

Черноногие и бизоны

Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Шульц
Черноногие и бизоны

«Автор»

2026

Шульц Д. У.

Черноногие и бизоны / Д. У. Шульц — «Автор», 2026

Рассказы автора о его охотничьих приключениях и связанных с ними переживаниях, и записанные им со слов его друзей - белых и краснокожих - о том, что случалось с ними во времена бизонов

© Шульц Д. У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Часть первая	9
Глава вторая	22
Последняя охота на большие стада (1880-1881)	29
Исчезновение стад (1881-1882)	38
Глава третья	45
Пикетт получает жену (1883)	48
Я убиваю своего первого горного козла (1883)	50
Голодная зима (1883-84)	54
Глава четвёртая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джеймс Шульц

Черноногие и бизоны

Введение

Бескрайние бурые равнины, невысокие холмы с плоскими вершинами; ещё более далёкие гигантские горы, с голубыми склонами и острыми пиками, увенчанными снежными шапками; запах полыни и дыма костра; грохот десяти тысяч бизоньих копыт по твердой, сухой земле; протяжный, меланхоличный вой волков, нарушающий ночную тишину – как я любил всех вас!

Джеймс Уиллард Шульц, «Моя индейская жизнь»

Автор этих строк прочитал тридцать три из тридцати семи книг Джеймса Уилларда Шульца за последние два года. Убедившись в том, что первая из всех этих книг, «Моя индейская жизнь» – это американская классика старого Запада, сейчас он больше, чем когда-либо, понимает, что Апикуни – такое имя дали Шульцу черноногие – навсегда останется в памяти как величайший рассказчик благородного индейского народа для всех, кто способен это ценить. Апикуни, однако, в отличие от многих выдающихся писателей, которые, в свою очередь, обогатили наши знания и понимание образа жизни и истории индейцев, позволил черноногим – точнее, пикуни (пиеганам), самой южной ветви великой конфедерации черноногих говорить о себе своими собственными словами. Не будучи журналистом, он был репортером, и очень добросовестным, говоря о повседневной жизни и разговорах, а также о глубинном сознании индейца, которое раскрывается в его молитвах, религиозных церемониях и мудрой убежденности в том, что Вышние присутствуют во всем, что происходит.

Рассказы Апикуни уникальны по той причине, что, хотя он и был белым человеком, он был также и настоящим индейцем. Он был женат на замечательной женщине из племени пмкунни, Женщине Красивый Щит (Луци-Авоган-Ахки, которая выведена как Нитаки в «Моей индейской жизни»), которая стала матерью его сына, Харта Мэриама Шульца (Одинокого Волка), известного художника из Таксона, штат Аризона. Трудный язык черноногих он освоил в возрасте восемнадцати лет и постоянно говорил на нём со своей семьей, индейскими родственниками и друзьями на протяжении более пятидесяти лет. Таким образом, он не только говорил на языке черноногих, но и думал на нём. Более того, с самого начала своей жизни с индейцами, в 1877 году, он прекрасно использовал свои таланты и возможности. Он не только слушал истории об их жизни и приключениях, рассказанные известными рассказчиками – мужчинами и женщинами, такими как Женщина-Ворона, Женщина-Земля, Хью Монро, Хвостовые Перья, Переходящие Через Холм, Много Хвостовых Перьев, Три Солнца и другими; он вёл записные книжки, в которые записывал их истории. Он провел бесчисленное количество вечеров у очага в доме своих друзей, слушая от разных людей их версии одних и тех же событий, пока многие из их историй не запечатлелись в его памяти.

После смерти Женщины Красивый Щит в 1903 году Шульц считал свою жизнь законченной. Бизоны исчезли, равнины Монтаны были разгорожены и наводнены крупным рогатым скотом и овцами, а теперь смерть любимой жены лишила его воли к жизни. Тем не менее, в восьмидесятых годах он познакомился с Джорджем Бёрдом Гриннеллом; они дали названия многим горам и ледникам в близлежащих Скалистых горах, и он начал публиковать рассказы в издаваемом Гриннеллом журнале «Лес и ручей». Жизнь закончилась в 1903 году, но ему предстояло написать тридцать семь книг и много рассказов, и предстояло сыграть важную роль в основании национального парка Глейсир, о чём они с Гриннеллом задумались задолго до этого. Вскоре он станет всемирно известным рассказчиком.

На мой взгляд, одним из самых необычных аспектов книг Апикуни является тот факт, что почти все они были опубликованы для юных читателей. Большинство из них я прочитал впервые, достигнув шестидесятилетнего возраста. Почему они предназначались для молодежи? Прежде всего, они более подходят для прочтения молодыми людьми, чем многое из того, что публикуется сегодня. Но самое главное, они наполнены духом молодости; они дышат целебной атмосферой гор и равнин; они рассказывают о чистом, порядочном, благородном народе, которые прежде называли «ужасными черноногими», «дикарями», жестокими и кровавыми «разбойниками северо-западных равнин», которые оказались настоящими людьми – добрыми, щедрыми, дружелюбными, гостеприимными, любящими пошутить и посмеяться, любящими и достойными любви. Да, они были угонщиками лошадей, но при этом честными и правдивыми; они были безжалостными убийцами своих врагов, но черноногий, безусловно, был убит белым человеком прежде, чем сам стал убивать белых.

Апикуни пережил эту индейскую жизнь и понял её так, как не понимал никто до него и мало вообще когда-нибудь. *Он был рассказчиком, но никогда не ставил перед собой задачу стать историком или ученым.* Для историка и исследователя чрезвычайно важно, что после того, как факты тщательно выверены, для него не рождается окончательная историческая правда. Это не было его сильной стороной и не было его целью. Однако то, что представлено в этой книге, имеет нечто от незаменимой ценности изложенного в книге Джорджа Фредерика Ракстона «Жизнь на Дальнем Западе». В целом, оно может иметь ту же атмосферу для описания жизни индейцев, какую имеет описанная Ракстоном жизнь обитателя гор, жившего век с четвертью тому назад для описания жизни на дальнем Западе.

Апикуни слушал индейских рассказчиков и стал одним из лучших из слушателей. Но, в отличие от них, он мог перенести их истории у вигвамных костров на бумагу, чтобы тысячи людей могли наслаждаться ими вечно. Его литературный стиль уникален – это речь черноногих в английских словах и предложениях. Он – художник повествования и мастер напряжённой интриги. Его повествования читаешь, затаив дыхание, и к концу книги сожалёшь о том, что страниц в ней так мало. Если бы только их было побольше! Если бы только его книг было не так мало – всего тридцать семь. Но теперь появился ещё один замечательный сборник воспоминаний и историй.

В рассказах Апикуни есть несколько разночтений. Иногда память подводила его, и записи были неполными. Нередко одна и та же история рассказывалась разными людьми через большие промежутки времени, так что детали и порой даже участники событий были разными. (В связи с этим следует напомнить, что один и тот же индеец в течение своей жизни носил несколько разных имен; получение другого имени в честь важного подвига было обычным делом. Имя Апикуни было дано ему Бегущим Журавлём, который сам в юности носил имя Апикуни. Тем не менее, его рассказы по большей части историчны. Некоторые события, описанные в книгах и небольших произведениях, на самом деле не происходили. В редких случаях Апикуни ведёт рассказ от первого лица о событиях, в которых он лично не участвовал. Единственный такой пример в настоящем томе – «Отрезанный нос» (глава 15). Это правдивая история о трагическом событии, которому Апикуни был свидетелем, но он рассказал о нём от первого лица, используя это как яркий литературный прием. Он всегда был полон решимости проверить факты, о которых писал, и никогда не прекращал попыток уточнить в своем сознании мельчайшие детали каждого приключения, о котором он рассказывал.

Шульц, как и все люди, не был полностью свободен от предрассудков. Он не был непогрешимым и никогда таковым не притворялся. Временами он делал ошибочные выводы из имевшихся в его распоряжении неполных фактов, что, пожалуй, наиболее заметно в его оценке майора Янга, агента резервации черноногих во время «Голодного года» 1883-84 годов. Недавнее исследование, похоже, доказывает, что Янг пытался получить от Вашингтона помощь, необходимую для спасения его подопечных от голодной смерти. Может, следовательно, оказаться,

что он не был таким уж бесчестным, лживым негодяем, каким нарисован в «Моей индейской жизни». Однако мои собственные расспросы среди черноногих в резервации Браунинг ясно показывают, что майор Янг считался кем угодно, только не сочувствующим и понимающим «отцом» своим индейским детям. Возможно, у них были естественные предубеждения против белого владыки, который тиранически управлял их судьбой в те ужасные месяцы 1883-1884 годов, но, принимая во внимание тот факт, что около пятисот из них умерли от голода, я убежден, что такие предрассудки были основаны не только на простом непонимании. Понимая, что по-прежнему существуют значительные различия во мнениях по этому вопросу, иногда под влиянием того источника, к которому обращался человек, я хотел бы лично пересмотреть все те выцветшие письма, направленные майором Янгом в Вашингтон, прежде чем делать положительные выводы об отношении майора к своим подопечным.

В этой книге есть исторические факты, которые оспаривались другими авторами. Так, в частности, в главе 2, «Бизоны шкуры», вождь Белый Телёнок изображен так, будто он не знал о двух указах, которые лишили пикуни их земель между реками Йеллоустоун и Мариас. А в главе 24, «Невеста для Утренней Звезды, упоминается история о Бегущем Орле, знаменитой девовительнице племени пикуни. Шульц относит её деятельность к «очень давним временам», но, по другой версии, подвиги Бегущего Орла произошли после 1856 года – времени, о котором рассказывает Шульц.

Я считаю, что крайне важно сохранить эти кажущиеся несоответствия в работе Шульца. Как рассказчик, он, несомненно, допускал некоторые вольности в обращении с некоторыми историческими фактами, и все же он сам *пережил* большую часть истории, которую рассказывает в этой книге, и, следовательно, должен был хорошо её знать. Возможно, эти расхождения побудят читателей и ученых провести дополнительные исследования, чтобы выяснить, кто прав, а кто нет.

Некоторые из помещённых здесь рассказов были подготовлены и впоследствии опубликованы в виде коротких повестей в популярных журналах и газетах. В начале все они были впервые опубликованы в журнале «Грейт Фоллс», а некоторые – в журнале «Лос-Анджелес Таймс», «Американский мальчик», «Спутник молодёжи», «Открытая дорога для мальчиков», «Святой Николай», «Кавалер», «Настоящие приключения на Западе» и «Жизнь мальчика» – все они содержат более ранние, а иногда и сокращённые версии историй, которые автор хотел рассказать. Но у Апикуни были и более поздние версии; многие годы он вынашивал намерение объединить их в книге. Его смерть в 1947 году не дала этого сделать. Это осталось на долю его жены Джесси Дональдсон Шульц, известной как Апаки, и её бесчисленных индейских и белых друзей – собрать эти материалы и подготовить их к публикации. Без её самоотверженной и неустанной преданности делу эта книга никогда бы не продвинулась дальше стадии планирования, на которой она находилась, когда Апикуни упокоился на индейском кладбище в долине реки Двух Талисманов в резервации черноногих. Больше, чем с кем-либо ещё, делился с ней своими воспоминаниями о давних временах сам Апикуни. Теперь, исключительно благодаря её целеустремленности и трудолюбию, эти воспоминания стали реальностью.

Все истории, содержащиеся во второй части этого тома, были рассказаны Шульцу его индейскими друзьями. Таким образом, хотя они являются подлинными во всех смыслах этого слова, их содержание, по необходимости, должно нести на себе отпечаток правки и вкусов Апикуни.

Эта последняя книга Джеймса Уилларда Шульца напомнит многим дни детства, миновавшего тридцать лет назад. Мы знали Нитаки, и Женщину-Ворону, и Хвостовые перья, Переходящие Через Холм, и многих других друзей Апикуни в восьмидесятые, потому что он сделал их нашими друзьями. Какими прекрасными людьми они все были, и какая честь быть с ними знакомыми! Мы были разлучены с ними на целое поколение, но теперь мы снова собрались вместе, чтобы вспомнить старые времена. Сейчас только двое или трое из них всё ещё живы, и

я горжусь своей связью с самым благородным из них, моим приемным отцом, Жующим Черную Кость, который соответствует Ахко Питсу этой книги.

Кит С. Сил

Чикаго, Иллинойс

Часть первая
Автобиографические рассказы
Глава первая
Приключения в старом форте Конрад (1878-79)
Я – Белая Собака, ассинибойн

Форт Конрад! Какие воспоминания сохранились у меня о нём, о тех днях, когда мы занимались торговлей – мир, покой, волнующие приключения тут и там – всё это было в давно ушедшую эпоху бизонов. Прекрасно оборудованный торговый пост, предназначенный для торговли с индейцами-черноногими, стоял на высоком южном берегу реки Мариас, немного выше устья её притока Сухой Вилки, в восьмидесяти милях к северо-западу от форта Бентон, бывшего в то время столицей территории Монтана. Изменчивое течение размыло землю, на которой он стоял, и брёвна, из которых он был сделан, давно сгнили на наносных островах Мариас, Миссури, Миссисипи, а может быть были унесены течением до самого Мексиканского залива.

Соединенные между собой бревенчатые хижины форта формировали три стороны квадрата размером 150 на 150 футов. Его восточная сторона представляла собой высокий бревенчатый частокол с воротами из крепких досок, достаточно широкими, чтобы пропустить фургон. К западной стороне примыкала конюшня и загон для лошадей.

Чарльз Конрад, компаньон фирмы по торговле с индейцами «Сент-Луис – Форт Бентон», построил форт Конрад в 1875 году, и тот был назван его именем. В 1878 году мой друг и работодатель Джозеф Кипп, прозванный черноногими *Мастунопачисом*, что значит Вороновый Колчан, купил этот форт, и мы незамедлительно, с большим запасом товаров для торговли все вместе отправились туда: Кипп со своей семьей, главный служащий Хайрам Д. Уфам и их семьи (их жёны были женщинами из племени пикуни), некоторые из их родственников пикуни, и я сам, юноша девятнадцати лет от роду.

Кипп был прирожденным торговцем с индейцами, в самом буквальном смысле этого слова, поскольку его отец был не кем иным, как бесстрашным капитаном Джеймсом Киппом из Американской Мехаовой Компании, который в 1831 году построил форт Пиеган около устья реки Мариас, чтобы перехватить торговлю с черноногими – включающими собственно черноногих, Кровь и пикуни – у своих конкурентов с севера, компании Гудзонова Залива, а его матерью была Сахкей Ахки, Женщина Земли, прекрасная дочь вождя манданов Махтотопы, о которой в своих письмах восхищенно писал Джордж Кэтлин. С юности Джозеф работал в компании своего отца в форте Бентон, позже он работал на Кэролла и Стила, которые купили этот форт в 1865 году, когда Американская Мехаовая компания вышла из дела. Потом он начал свое дело, и весьма успешно, на постах, которые поставил в провинции Альберта – форте Стэндофф и потом в форте Кипп на реке Пузатой. За эти годы, в основном благодаря своей интуиции и сердечной доброте, он получил большой авторитет среди черноногих. До самой его смерти в 1913 году они не предпринимали никаких важных шагов, не посоветовавшись с ним.

В течение зимы 1878-79 годов мы вели хорошую торговлю с черноногими, пикуни и Кровью, получив от них две тысячи бизоньих шкур и несколько тысяч оленьих, волчьих, антилопных и бобровых. Весной индейцы разошлись – черноногие и Кровь в места своего обитания, в Альберту в Канаде, а пикуни – на летнюю охоту к подножию Скалистых гор, за семьдесят пять миль к западу от нас.

В ста ярдах ниже нашего форта реку Мариас пересекала фургонная дорога, проходившая между фортом Бентон и фортом Маклеод в Альберте. Все запасы для этого северного форта

и других поселений в южной Альберте доставлялись на паромовых, поднимавшихся по Миссури до форта Бентон, а оттуда их везли дальше на повозках, запряженных быками, лошадьми или мулами. Однажды вечером, в июне, караван Джона Хани, состоявший из трех лошадиных упряжек, восьми пар лошадей и двух фургонов на всех, встал на ночь недалеко от оврага д'Орелль, в двадцати милях к югу от нас, и ночью военный отряд индейцев увел всех его лошадей. Несколько ночей спустя, в Роки Спрингс, в тридцати милях к северу от нас, военный отряд напал на караван фургонов Генри Хагана, увел большую часть его лошадей и убил двух погонщиков. После этого подобные происшествия, хоть и в меньшем масштабе, продолжались с другими караванщиками, терявшими по пути своих лошадей, так что в итоге королевская канадская Конная полиция начала патрулировать часть дороги, проходящей через Альберту, и коменданта форта Шоу, на Солнечной реке, обязали позаботиться о безопасности части дороги, проходящей через Монтану.

Таким образом и прибыл однажды из форта Шоу отряд конных солдат из Третьего полка армии США во главе с первым лейтенантом Дж. Н. Биком и встал лагерем в нескольких сотнях ярдов от нашего форта. Их палатки были белыми и опрятными, ряды покрытых холстом выючных седел выглядели аккуратно, сигналы горниста были очень веселыми и вообще они производили очень хорошее впечатление.

Лейтенант Биком пришел поговорить с Киппом.

– Чьи это военные отряды, которые совершают эти набеги? – спросил он.

– Некоторые из них, без сомнения, ассинибойны. Наиболее вероятно, что другие – кри, Вороны или сиу-янктоны, – ответил Кипп.

– Да, и очень вероятно, что некоторые из этих отрядов – черноногие.

– О, нет! Нет! – воскликнул Кипп. – Они не подумали бы о том, чтобы напасть на белых здесь, на своей земле. Набеги они совершают только на своих краснокожих врагов и достаточно успешно. Только на днях военный отряд пикуни прошёл здесь, у них было сто лошадей и пять скальпов, которые они взяли в сражении с ассинибойнами у устья Молочной реки.

– Хорошо, как я могу найти эти военные отряды и наказать их?

– У вас мало шансов их найти. передвигаются они только ночью, а днём прячутся где-нибудь, выставив часовых. Но белых солдат они боятся. Я советую вам проехать по дороге сперва на юг, потом на север, можно пройтись и по речной долине. Любые военные отряды, которые вас увидят, вернутся туда, откуда пришли.

– Да, похоже это всё, что мне остается, – со вздохом произнес лейтенант. – Спасибо за совет. – И немного погодя добавил: – Какая дурацкая миссия нам предстоит. Одеть форму и разъезжать по окрестностям, в надежде на то, что нас издали заметят и постараются избежать встречи. и очень маленькая возможность того, чтобы поймать налетчиков во время нападения на караван. Как бы я хотел иметь в своем отряде людей с вашим опытом. Я уверен, что с помощью ваших друзей – охотников и трапперов – мы скоро смогли бы сделать эту дорогу безопасной для проезжающих по ней.

– Да, может и смогли бы, – скромно ответил Кипп.

У нас не было много лошадей, только четыре для фургонной упряжки и дюжина верховых, включая двух быстрых скакунов, обученных охоте на бизонов, один из которых был моим. Для того, чтобы перевозить наши бизоньи и прочие шкуры, меха и товары для торговли, у нас был большой караван – три упряжки по восемь быков и по два фургона на каждую. Командовал этим хозяйством длинный Джон Форджи, а погонщиками были шурины Киппа – Берущий Ружьё Ночью, Красные Глаза и Идущий С Погремушками. Все трое были молодыми пикуни, возрастом не более двадцати лет. В данное время фургоны не использовались, быки паслись в речной долине ниже форта. Лошадей на ночь загоняли в загон, а на восходе выгоняли пастись.

Поскольку лейтенант Биком и его люди лошадьми пользовались ежедневно, их вместе с выючными мулами выводили пастись на ночь, привязанными на цепи или кожаные ремни, под

охраной двух солдат, один из которых дежурил до полуночи, а другой до рассвета, когда их отвязывали и отводили в лагерь.

Была дождливая зимняя ночь и рано утром кто-то постучал в двери нашей конторы, где я спал. Я выскочил из кровати и впустил лейтенанта Биком, запыхавшегося и промокшего так, что с него капала вода. Он сел на стул перед потухшим камином и, задыхаясь, произнес:

– Я должен видеть Киппа. Покажи мне, где он спит. А ещё лучше – разбуди его, пожалуйста, и попроси прийти сюда.

Я оделся, набросил на плечи дождевик, пересек двор и нашел Киппа в его комнате, где он разжигал огонь в кухонной плите.

– Лейтенант Биком находится в конторе, он очень взволнован и хочет видеть вас, – сказал я.

– Ха! Что такое случилось, что он пришел в такую рань? – удивился он.

Когда мы вошли в контору, Биком встал, чтобы встретиться с нами, и сразу начал кричать:

– О, Джо! Мне нужен ваш совет, ваша помощь. Вчера вечером пять моих лошадей были украдены. Да, украдены прямо из-под носа моих часовых, так и было. Вы знаете, что для меня значит, если мы не сможем вернуть их. Я буду посмешищем всего полка на всю жизнь.

– Возможно, они просто ушли и заблудились? – предположил Кипп.

– О, нет. Нет! Воры вдобавок посмеялись над нами, оставив двух хромых лошадей в зарослях шалфея снова привязанными к длинной палке. Теперь нам не на чем ездить. Не попробуете ли вы найти и догнать этих воров? Мы последуем за вами и будем делать все, что скажете.

– Ладно. Я сделаю, что смогу, но вы знаете не хуже меня, что найти их будет трудно, потому что этот ливень смывает следы сразу, как только их оставят, – ответил Кипп. И с этим, отказавшись с нами позавтракать, лейтенант Биком поторопился вернуться в свой лагерь.

Как только мы с Киппом были готовы, мы сели на своих скакунов и присоединились к лейтенанту и его людям, ожидавшим нас, и все вместе поехали по узкой долине Сухой Вилки, где на рассвете этого дня два пастуха окружили табун армейских лошадей и мулов, чтобы отогнать их в лагерь, и обнаружили, что пять лошадей пропали – одной из них была любимая лошадь лейтенанта. Они показали нам также палку, к которой была привязана хромая пара. Но даже за это короткое время дождь смыл все следы табуна в поросшей густой травой пойме; в ту ночь дождь, принесенный северо-западным ветром, был очень сильным.

Оставив лейтенанта и его людей, Кипп и я сделали несколько кругов по долине и не смогли найти никакого следа пропавших лошадей. Искать след по Сухой Вилке тоже было бесполезно, потому что она превратилась в быстро взбухающий поток грязной воды. Поэтому, вернувшись к команде, Кипп сказал:

– Ну что, лейтенант, все так как я и думал. Абсолютно все следы украденных лошадей смыты дождем. Узнать, куда воры их увели, невозможно.

– Но я должен хотя бы попытаться их вернуть, что вы можете мне посоветовать?

– Ну, военный отряд может принадлежать к полудюжине разных племен, но более чем вероятно, что это – ассинибойны или сиу. Если так, то они без сомнения пересекли Мариас немного ниже, и теперь хотят обогнуть холмы Сладкой Травы с юга, чтобы вернуться к себе. Шанс догнать их невелик, но попробовать можно.

– Вы пойдёте с нами?

– Да, – заверил его Кипп. И затем, обратившись ко мне, сказал: – Тебе стоило бы вернуться к форту. Скажи моим шуринам, чтобы они выехали и посмотрели, в каком состоянии наши быки.

Я был рад уйти из мокрой долины. Идущий С Погремушкой, Красные Глаза и Берущий Ружьё Ночью ворчали, когда я передал им указание Киппа, что быки были в порядке и не

нуждались в присмотре, но потом все же, поругавшись со своей сестрой, Женщиной Бьющей Дважды, женой Киппа, они оседлали лошадей и поехали вниз по долине.

Лейтенант Биком оставил несколько человек для охраны лагеря и вьючных мулов. Около девяти часов один из них приехал к воротам нашего частотола, покричал, чтобы его пропустили, и, когда мы пропустили его, сказал, что второй сержант отряда, внизу в лагере, очень болен, он страдает от спазм в животе, можем ли что-нибудь для него сделать?

Я знал по опыту, что мать Киппа, *Сахви Ахи*, Земная Женщина¹, и Женщина-Ворона были хорошими знахарками. Они вылечили меня от нескольких болезней. Они с готовностью согласились сделать для больного все, что могли, и, поспешно собрав свои снадобья, со мной и с солдатами отправились в лагерь. Больной согнулся и стонал. Земная Женщина быстро сделала отвар из смеси черных и белых корней и дала ему выпить несколько чашек, и скоро он вытянулся на постели и с облегченным вздохом сказал, что боль уменьшилась. Женщина-Ворона улыбнулась, а Земная Женщина попросила меня сказать ему, что попозже она даст ему другой отвар и он не будет больше страдать.

Ночь была безветренной, но дождь продолжал идти, слабо барабана по крыше палатки. Печь, стоящая в её центре, давала приятное тепло, а фонарь давал достаточно света. Мы курили и беседовали. Земная Женщина беспокоилась о сыне, думая, каково ему с солдатами приходится холодной дождливой ночью и думая, когда они вернутся. Заболевший сержант отвечал за лагерь, а шестеро его подчиненных посменно дежурили по двое, охраняя за пасущихся лошадей и мулов. Один из дежурных прибежал в палатку и сел перед печью, чтобы отогреть руки, которые, как он сказал, так замёрзли, что он даже трубку не мог зажечь. Сержант сказал ему:

– Ладно, только побыстрее, этим мулам и лошадям нужен глаз да глаз.

Ветер стих, сменившись спокойным дождем. Днем приехали наши пастухи, они торопились и были очень взволнованы. на второй ступени южной части долины они нашли одного из быков, убитого стрелой, его язык, печень и часть ребер были вырезаны. Рядом с тем местом, в густом лесу, они нашли шалаш, временное убежище, в котором военный отряд отдыхал и жарил мясо. Украшенная бусинами пара старых мокасин, найденная там, ясно говорила о том, что это несомненно были ассинибойны и наверняка именно они увели армейских лошадей.

Таким образом догадка Киппа о том, что лошадей увели ассинибойны, подтвердилась. Теперь он мог повести на них солдат, и им предстояло сражаться. Жена Киппа, его прекрасная мать из племени манданов, и её близкая подруга, Женщина-Ворона, собрались вместе и просили Солнце беречь его. Так прошла вторая половина дня. Настала темная ночь, а дождь все продолжался, а Кипп так и не появлялся. Женщины всё более тревожились и всё более пылко молились о нём.

А затем мы ясно услышали донесшийся с небольшого расстояния крик на языке черноногих:

– Слушайте! Слушайте! Это я, я – Белая Собака. Вчера вечером я угнал пять ваших лошадей. Сейчас я взял пять ваших большеухих. Я – Белая Собака. Придите и схватите меня!

И Земная Женщина застонала:

– Белая Собака! Он снова здесь! – и солдаты закричали:

– Кто это? Кто это такой? Что он говорит?

Раздалась выстрелы и несколько пуль пролетело через палатку.

– Это Белая Собака, ассинибойн. Говорит, что он вчера ночью взял ваших лошадей, а теперь взял пять ваших мулов, – крикнул я солдатам, хватая фонарь, чтобы погасить его. Они расхватили винтовки и выбежали из палатки – все, кроме больного сержанта. Я сказал, что не захватил свою винтовку, и он велел мне взять его спрингфилд. Ощупью найдя винтовку, я взял её, шагнул к дверному проему и вышел, наткнувшись на одного из солдат. Ночь была

¹ Точнее – *Ксакуи-Ойтс-Ахи*, Женщина Земляного Дома

очень темной, настолько темной, что мы не могли видеть находившихся рядом мулов, которые фыркали и подпрыгивали на своих стеноженных ногах, испуганные стрельбой. И мы могли слышать стук копыт украденных мулов, который все слабел и слабел, потому что воры удалялись к устью Сухой Вилки.

Солдаты кричали друг другу, занимая свои позиции. Я сказал им, что военный отряд этой ночью уже не вернется, поэтому нет смысла мокнуть под дождем. Вернувшись в палатку, я снова зажёл фонарь и подкинул в печь немного дров. Женщины говорили о смелости Белой Собаки. Сержант стонал:

– Как же мне не везет; когда вернется лейтенант Биком, я получу выговор.

Он попросил меня позвать четверых его солдат. Земная Женщина дала ему очередную порцию лекарства, и он сказал:

– Этот Бела Собака! Наверняка он имеет на нас зуб, раз украл пять наших мулов. Кто же он такой?

Белая Собака, объяснил я, был ассинибойном, который много лет не дает покоя черноногим. Несколько лет назад он захватил женщину племени пикуни и сделал её одной из своих жён, выучил её язык², и она родила от него ребёнка, мальчика. Но она ненавидела его и вместе с ребенком убежала от него, сумев вернуться к своему племени. С того времени Белая Собака, всегда с несколькими верными компаньонами охотились на черноногих, время от времени убивая неосторожных охотников и совершая ночные набеги на их табуны; он всё время чувствовал себя в полной безопасности и кричал, что это он, Белая Собака, совершил набег. Военные отряды один за другим пробовали положить этому конец, некоторые из них были к этому близки, но ему всегда удавалось обмануть преследователей и уйти.

– Хорошо, почему тогда он нам это кричал? Он ведь знает, что мы не черноногие, – сказал сержант.

– Он несомненно знал, что некоторые из обитателей форта будут здесь и поймут его вызов, – ответил я.

– Вот же нахал. Пришел сюда в лагерь со своими людьми, убил вашего быка, угнал пять наших лошадей и никаких следов не оставил, а следующей ночью вернулся и увёл наших мулов. Черт возьми! Как бы я хотел бы поймать его прежде, чем вернётся лейтенант Биком, но я слишком слаб, чтобы куда-то идти, – сказал больной.

Один из его солдат сказал:

– Что толку от ваших разговоров о том, чтобы куда-то пойти? Все прекрасно понимают, что мы должны сидеть тут и стеречь скотину.

Ответа не было. Я предложил женщинам вернуться домой. Нет, они решили остаться до рассвета. Сержант предложил, чтобы четверо его солдат проводили нас до форта.

– Нет, – сказала Земная Женщина. – Белая Собака со своими головорезами могут быть рядом, и четверо солдат для них ничего не значат.

Дождь прекратился перед самым рассветом, и солнце поднималось в ясном синем небе, когда мы приблизились к форту и были встречены нашими тремя молодыми пастухами с винтовками в руках. Они слышали суету в лагере и до нашего появления были начеку, не зная, что происходит. Они были более чем злы, когда мы рассказали им о втором набеге Белой Собаки на армейский табун. Один из них процедил сквозь зубы:

– Что за ерунда! Вороновый Колчан (Кипп) уехал с солдатами на поиски Белой Собаки, а тот спрятался здесь, чтобы на сей раз украсть у них несколько большеухих.

Я позавтракал, лёг на свою лежанку в конторе и немного поспал. Кипп с солдатами вернулись ближе к вечеру. Они далеко спустились по долине Мариас, до подножия холмов Слад-

² У Много Хвостовых Перьев была другая версия того, как Белая Собака выучил оскорбительные слова на языке черноногих. Смотри «Друзья мой индейской жизни»

кой Травы, но никаких признаков воров не нашли. Когда мы сказали им, что выяснилось этой ночью, Кипп рассмеялся и сказал, что Белая Собака был самым коварным и самым удачливым конокрадом, с которым он встречался.

– Я думаю, что вы должны пойти с вашим отрядом вниз, прямо в лагерь ассинибойнов, он должен сейчас быть где-нибудь недалеко от устья Молочной реки, и заставить Белую Собаку отдать ваших лошадей, а потом арестовать его или даже убить, – ответил Кипп.

– Но это невозможно! Невозможно! – выкрикнул Биком. – Мне приказано стоять здесь лагерем и приложить все усилия для защиты проезжающих по этой дороге. Если я уйду отсюда, меня ждет трибунал.

– Хорошо, тогда почему бы не написать вашему командиру, чтобы он сам захватил Белую Собаку, ваших лошадей и мулов?

– Да, это единственное, что мне остается. Когда почтовый фургон пойдёт на юг? Через десять дней? Ха! Письмо до форта Шоу будет идти две недели. И как же там будут хихикать, когда его прочитают!

– Не бери в голову, – посоветовал Кипп. Это не ваш промах и не ваших людей, что Белая Собака спокойно увел ваших лошадей. Против вас было всё – тёмная дождливая ночь и самый хитрый конокрад, который когда-то появлялся на этих равнинах.

Шагнув к двери, лейтенант произнес:

– Может быть, мой командир посмотрит на это так же, как вы, но я в этом сомневаюсь.

Вскоре после восхода солнца на следующее утро, военный отряд из семи пикуни во главе с Много Хвостовых Перьев прибыл к нам, чтобы провести с нами день. Они шли пешком и всю ночь добирались к нам из лагеря племени у подножия Скалистых гор. Их путь лежал на юг, где они собирались совершить набег на табуны Ворон, но вначале они завернули к нам, чтобы, как они сказали, обменять несколько бобровых шкур на запас патронов. Мы рассказали им о набеге Белой Собаки на армейский табун, и они дали себе волю, выражая свою ненависть к этому головорезу и всей его шайке.

Один из них сказал:

– Должно быть, боги Перерезающих Горло особо сильно защищают некоторых из них. Этот Белая Собака давно нам досаждал. Он уводит наших лошадей, а мы не можем его выследить. И если иногда, очень редко, мы можем до него добраться, наши пули не могут его поразить.

Много Хвостовых Перьев добавил:

– Я пять раз искал Белую Собаку и так и не смог его найти. Я дал Солнцу клятву, что убью его, убийцу моего отца и деда; моя мать до сих пор оплакивает отца. Сейчас я снова попробую его найти и покончить с этим воров и убийцей.

Так получилось, что Много Хвостовых Перьев и несколько его товарищей предложили нам отправиться в лагерь Перерезающих Горло, чтобы найти лошадей и мулов лейтенанта Бикома, надеясь заодно найти Белую Собаку и положить конец его набегам.

Когда маленький отряд готов был отправиться в путь, лейтенант Биком сказал:

– Я надеюсь, что вам и вашим друзьям посчастливится добыть скальп Белой Собаки. А если вы сможете вернуть лошадей и мулов, которых он украл у меня, я постараюсь сделать для вас, что смогу.

Когда я перевёл это остальным, Много Хвостовых Перьев сказал:

– Передай ему мои слова: вождь солдат, если мы сможем забрать у Перерезающих Горло твоих лошадей и большеухих, ты их получишь.

С этим они и отправились. Кипп на пароме переправил их через реку.

Много недель спустя они вошли в лагерь – группа потрепанных и подавленных людей. Они видели лагерь ассинибойнов, были рядом с ним, когда встретили охотничий отряд пикуни; от них они узнали, что Белой Собаки в лагере нет, он ушел на западную сторону Хребта. Они

взяли только тех лошадей, на которых приехали; при попытке войти в лагерь их заметили, и им с трудом удалось убежать. Они попробуют ещё раз, когда Белая Собака вернётся в лагерь. Лейтенант Биком ходил, широко шагая.

– Нет, – сказал Много Хвостовых Перьев, – мы не привели тебе твоих лошадей и большеухих. Мы даже не видели их. Мы пойдём за Белой Собакой, когда он вернётся из-за гор. В следующий раз мы найдем его и убьём. Мы попробуем также найти и твоих лошадей.

– Плохо. Очень плохо, – пробормотал лейтенант Биком, повернулся на пятках и уехал.

Что ж, Много Хвостовых Перьев наконец добился своей цели, убив своего врага и врага всех пикуни, Белую Собаку, но это случилось только через несколько лет, и лошадей и мулов лейтенанта Бикома он уже не нашел. В этом последнем и успешном военном походе с ним пошёл Голова Медведя, мой хороший друг, и много вечеров я слушал его рассказ о событиях того долгого похода к лагерю Головорезов.

– Апикуни, – сказал он, – ты помнишь, сколько раз Много Хвостовых Перьев пытался убить своего врага. Как-то раз он был рядом с ним, убил его лошадь, выстрелил Белой Собаке в руку, но его пули так и не смогли убить его.

– Я слышал ту историю много раз; но расскажи об этом снова, Голова Медведя. Расскажи обо всем, что случилось с тобой и участниками этого похода.

И вот история Головы Медведя:

– Нас было шестеро, опытных воинов от тридцати до сорока лет: Хвост Ласки, Тяжёлый Бегун, Белая Антилопа, Маленькая Выдра и я, во главе с Много Хвостовых Перьев, который был воином и шаманом.

Мы пошли вниз по долине реки Мариас по натопанной тропе. У некоторых из нас были магазинные винтовки Генри 44 калибра, у других, в том числе у меня, Винчестеры-73. У каждого был свёрток с нужными вещами, военный головной убор в расшитом и разрисованном кожаном цилиндре, много патронов и верёвки, чтобы вязать захваченных лошадей.

Много Хвостовых Перьев был владельцем священной трубки из языка лося. Она и много других вещей, сделанными из разных видов животных, птичьих шкурок и бизоньих камней, погремушки, бубны, свистки были грузом его лошади. Но немного душистой травы и сосновых побегов для курения, кожу с вороньих крыльев, немного табака и трубку из черного камня он нес в небольшом разрисованном кожаном мешочке за спиной. Мы, как обычно, шли пешком.

Я попросил Много Хвостовых Перьев посвятить нас в свой план набега. Он сказал, что мы пойдём вниз по этой реке до того места, где у устья Чёрного оврага она поворачивает на юг. Затем продолжим путь на восток, и обойдя с севера подножие гор Медвежьей Лапы, мы дойдем до Молочной реки, и там, где она вливается в Большую реку, мы наверняка найдем лагерь Белой Собаки и его племени Перерезающих Горло.

Нам предстоял долгий путь. Нам нужно было идти восемнадцать ночей, чтобы достичь вражеского лагеря при условии, что мы будем проходить по двадцать миль за ночь.

Наш путь пересекал речные извилины, поэтому иногда мы шли по лесам, минуя равнины. Ночь была ясной, светила полная луна. Пройдя десять или двенадцать миль от форта, мы начали спугивать животных, которые паслись или отдыхали – вапити, антилоп, оленей. Вблизи и вдали выли волки и койоты. Это был хороший звук. Нападения волков или койотов мы не боялись.

Когда на востоке небо стало светлеть, наш предводитель сказал мне, чтобы я прошёл вперед и добыл какое-нибудь животное. Поиски заняли немного времени, я выследил стадо антилоп и застрелил самца, и мои друзья пришли, чтобы помочь мне разделать его. Мы укрылись в густом ивовом лесу, росшим у берега реки, развели бездымный костер, поджарили жирного мяса и поели.

Когда мы наелись, Много Хвостовых Перьев велел Хвосту Ласки, чтобы тот поднялся на край равнины и до полудня следил, не появятся ли враги, а после полудня он должен был вер-

нуться и разбудить меня. Потом наш предводитель удалился, чтобы выкурить трубку в жертву богам и попросить их дать ему видение, пока он будет спать, чтобы предупредить нас о возможных опасностях и помочь избежать или преодолеть их во время нашего похода. Остальные, выкурив несколько трубок, погасили костер и легли спать.

День прошел спокойно. Ближе к вечеру все мы собрались, чтобы снова поесть жареного мяса антилопы. Много Хвостовых Перьев сказал нам, что боги не послали ему никаких видений. Ну, благодаря тому, что он владел священной трубкой, он и так пользовался большим покровительством богов. Если бы ему угрожала опасность, они наверняка предупредили бы его. Стемнело, и мы снова двинулись в путь.

На третье утро после ухода из форта мы разбили лагерь у устья Чёрного оврага, а вечером оставили реку и направились по равнине на северо-запад. Три утра спустя мы остановились на день в сосновой роще на северном склоне гор Медвежьей Лапы. Тихо и печально мы сидели без дела рядом с нашим маленьким костром, на котором жарили куски мяса годовалого бизона, убитого накануне. Что мы такого сделали, из-за чего боги, казалось, покинули нас? Что, если нас ожидает конец от рук врага?

Много Хвостовых Перьев велел мне первую половину дня быть часовым, а потом, как всегда, удалился, чтобы помолиться и попросить у богов послать ему вещий сон. Я напился из небольшого родника поблизости, спустился и сел на нижнем краю леса. На севере я видел несколько буйволов и антилоп, они мирно паслись, отдыхали, некоторые из них шли на водопой.

Настал полдень. Я поднялся в сосняк, разбудил Маленькую Выдру, чтобы он отправился на пост, и сказал ему, что пока, никакие враги в поле зрения не появлялись. Потом я растянулся на том месте, где он лежал, и уснул, чтобы забыть о всех своих тревогах. В конце дня мы проснулись от громкого пения. Много Хвостовых Перьев приблизился к нам со счастливым видом, танцуя на ходу и распевая песню волка – песню, приносящую воинам удачу, и все мы сидели, уставившись на него. Потом, закончив песню, он крикнул нам:

– Смелее, друзья мои! Смелее! Боги благоволят нам. Они услышали мои молитвы, они дали мне видение. В этом видении мы, идя вперед, обнаружили нескольких врагов. Мы напали на них, и некоторые из них упали. Тогда я пробудился. Но этого было достаточно, друзья мои. Вы все знаете так же как я, видение падающего врага предвещает нам успех.

– Это так! Это так! – воскликнул Тяжёлый Бегун. И все сразу ободрились и начали рассказывать о своих снах, которые оказались вещими. А возбуждённый Белая Антилопа сказал:

– Ну, раз уж нас ждёт успех, давайте пожарим мясо из наших запасов и поедим, а потом продолжим путь.

Но Много Хвостовых Перьев сказал:

– Нет. Мое видение не освобождает нас от того, чтобы соблюдать осторожность. Мы не будем дымить здесь, на возвышенности, где нас могут увидеть враги, которые, возможно, здесь находятся. Кроме того, здесь мало дичи, только антилопы. Нам повезло, что мы нашли этого годовалого бизона. Мы не станем есть мясо, которое у нас с собой.

Мы все отошли к краю леса, чтобы, сидя там, дожидаться темноты, чтобы можно было продолжить путь. Когда село солнце, внезапно прилетел ворон, хрипло каркая; прилетел он с востока, сделал над нами несколько кругов, также каркая, и улетел обратно на восток. Потом он вернулся, сделал ещё несколько кругов и снова улетел на восток и исчез. Тихо, затаив дыхание, мы смотрели за ним, и теперь мы были уверены, что эта птица, самая мудрая из птиц, истинный друг воинов, прилетела, чтобы предупредить нас о том, чтобы мы были осторожными. Много Хвостовых Перьев был вождем Несущих Ворона, части Общества Всех Друзей, одного из военных сообществ черноногих, поэтому мы поняли, что ворон прилетел специально для того, чтобы предупредить его.

Он сказал:

– Теперь я точно знаю, что мы должны убить этого худшего из всех Головорезов, Белую Собаку.

– Но как ты собираешься найти Белую Собаку в большом лагере его племени? – спросил я. – Как его узнать?

– Знаем его, – почти крикнул Много Хвостовых Перьев. – Трое из нас – Маленькая Выдра, Белая Антилопа, и я, дважды сражались с ним и его компаньонами, и дважды он убежал от нас. Так что мы хорошо мы знаем его, его внешность, и как он кричал нам на нашем языке: «Это я, Белая Собака!» Так что, когда мы найдем лагерь Перерезающих Горло, то будем вечером, когда зажигают огни в вигвамах, обследовать один вигвам за другим, пока не найдём его, а потом убьём его и убежим на лошадях, которых к тому времени угоним.

– А что будем делать мы трое, пока вы трое будете искать его?

– Всё будет как обычно. Разумеется, сначала мы войдём в лагерь и уведём нескольких скакунов, которых хозяева на ночь привязывают рядом с вигвамами. После этого ты и остальные будете держать их наготове, пока мы будем искать и убивать нашего врага.

Таким был план нашего предводителя. Нам он не очень нравился. Ходить ночью по лагерю и уводить нужных нам лошадей было опасным занятием. Но для нашего предводителя, Маленькой Выдры, и Белой Антилопы ходить от вигвама к вигваму, чтобы заглядывать за входные полотнища в поисках Белой Собаки – ну, в общем, мы думали, что это сумасшествие. Они, разумеется, были бы обнаружены кем-то, кто вечером мог выйти из вигвама. И в таком случае какие у нас были шансы уйти? Но надо было приложить все усилия, чтобы следовать плану нашего предводителя.

Маленькая Выдра сказал:

– Как нам может не повезти, если они уйдут в другой набег прежде, чем мы их найдем, как это сделал Белая Собака в тот раз, когда мы искали солдатских лошадей и большеухих.

– Ха! Ха! Как странно. Ты сказал о том, что я сам думаю, – сказал Белая Антилопа. – Но во время того набега равнины были черны от бизонов. А сейчас нам посчастливилось найти лишь одного бычка.

– Я думаю. – сказал Хвост Ласки, – что мы должны поторопиться и добраться до Маленькой реки, а потом пойти вниз по ней. Перерезающие Горло могут поставить лагерь на ней, в нашей стране.

– Верно. Верно. Давайте пойдём туда прямо сейчас. Надо пойти вдоль этого Маленького Антилопьего ручья до его впадения в реку, – предложил Белая Антилопа, и все мы сразу с этим согласились.

Стемнело. Мы залезли в ивовые заросли у ручья, хорошо поели мяса и пошли на северо-восток по долине небольшого ручья, который должен был вывести нас к Маленькой реке.

Рассвет застал нас на краю широкой, лесистой долины Маленькой Реки – эта река течет по ровной долине, а не по каньонам, как другие реки. Антилопы вблизи и вдали вели себя спокойно, что было хорошим признаком и говорило о том, что врагов рядом нет. Мы спустились по небольшому склону с равнины в долину, вошли в лес и спугнули там белохвостого оленя. Он сделал несколько прыжков, а потом остановился и уставился на нас. Я выстрелил в него, и скоро мы жарили и ели самые лакомые куски мяса.

Много Хвостовых Перьев попросил, чтобы я отдежурил утренние часы.

– Осталось немного, – сказал он. – До устья реки вдоль её русла всего четыре ночи пути.

Три утра спустя, на рассвете, мы остановились там, где река свернула на юг вместо востока, как прежде; и мой товарищ сказал, что следующим утром, мы должны оказаться у места её впадения в Большую реку (Миссури) или рядом. Пока мы не видели никаких врагов и никаких их признаков от самого ухода от гор Медвежьей Лапы. Но теперь Много Хвостовых Перьев, назначая Тяжёлого Бегуна, часовым на утро, сказал ему:

– Будь этим утром очень внимательным. Не спускай с равнины глаз, смотри вблизи и вдале. Сейчас мы можем быть близко к лагерю Головорезов. Если это так, ты должен обнаружить всадников, которые выехали на охоту.

Взяв свою винтовку, Тяжёлый Бегун сразу отправился на край равнины, а Много Хвостовых Перьев, как всегда, пошёл в лес, чтобы отдохнуть в одиночестве. Остальные, мы все, погасили костер и легли спать.

Меня разбудило горячее солнце, светившее сквозь ветки деревьев. Мучимый жаждой, я пошел к реке, чтобы напиться, и был удивлен тем, что ко мне на берегу присоединился Много Хвостовых Перьев. Бесшумно ступая по песку, он подошёл ко мне, и я был потрясен. При первом взгляде на его лицо я понял, что с ним что-то произошло.

– *Кай юатс?* (Что беспокоит тебя?) – спросил я.

– Мой сон. Это было плохо. Я видел женщин, оплакивавших своих убитых. Была ночь. Вигвамы были еле освещены. Хоть я их видеть не мог, но ясно слышал их печальные песни. Ты знаешь, что это значит. Это предвещает нам неприятности.

– Но ведь у тебя был сон, в котором мы убивали врагов, и этот сон сулил нам удачу; и ворон, который кружился над нами и звал нас на восток, тоже был вестником удачи.

– Все это так, но последний сон все это изменил: теперь он предупреждает нас об опасности.

– Ну и что нам теперь делать?

– Быть более чем когда-либо осторожными, беречься всего; и все мы должны молиться. Молитесь Вышним, чтобы они сберегли нас от врагов и дали нам удачу, – ответил он. С этим он вернулся к нашим спящим товарищам, разбудил их и рассказал о своем плохом сне. Скоро мы сидели, собравшись в круг, курили по очереди его трубку и пели песню трубки из лосиного языка после каждой его пылкой молитвы небесным богам о нашей безопасности и успехе. И последняя из его песен была такой:

Ворон говорит: моя магия, сильная, она могучая.

Врагов я ищу. Я нашел их.

Мертвыми на земле они лежат.

Моя магия, она могучая.

Короткая церемония закончилась, и мы все снова были счастливы, тревога покинула нас, и мы были готовы встретить любую поджидавшую нас опасность.

Когда мы собрались ещё поспать, с края равнины прибежал Тяжёлый Бегун и крикнул:

– Всадники к югу от нас! Много всадников, они гонят стадо бизонов по равнине к востоку от реки! Ниже должен быть лагерь Перерезающих Горло!

Это была важная новость. Все мы хотели видеть вражеских охотников, поэтому под прикрытием сначала деревьев, а потом кустов высокой полыни, мы добрались до рощи вишневых деревьев на краю равнины, и оттуда хорошо их рассмотрели. Сорок человек в трёх милях от нас спешили, чтобы разделить свою добычу. Потом приехало много женщин, чтобы помочь им. Это было достаточным доказательством того, что лагерь Головорезов был недалеко.

Много Хвостовых Перьев сказал:

– Сегодня вечером Вышние помогут нам и мы убьем худшего из них, Белую Собаку, и уйдём с несколькими их лошадьми. Теперь вы все ложитесь спать, чтобы набраться сил для того, что вам предстоит. Я сам буду следить за Головорезами, и пусть попозже один из вас сменит меня.

Крепко уснуть, когда враги были так близко, оказалось невозможно. Мы дремали, потом просыпались, смотрели на них, и наконец в полдень увидели, что они уходят вниз по долине, ведя лошадей, нагруженных мясом и шкурами.

Тогда Много Хвостовых Перьев сказал:

– Помните об этом вы все. Мы должны выполнить нашу единственную и самую трудную задачу – убить нашего худшего врага. Белую Собаку.

После этого никто из нас долго не произносил ни слова. Наши мысли были серьезными. Предстоящей ночью мы должны были войти во вражеский лагерь, и что из этого получится? Мы знали, как это опасно. Я знал, что все мои товарищи молились, как и я сам. Я коснулся своего амулета, который был в кожаном мешочке у меня на груди, и прошептал:

– Услышь меня, Священный Помощник. Помоги мне. Дай мне остаться живым этой ночью.

Наконец Много Хвостовых Перьев сказал:

– Будьте осторожны. Пойдемте.

До заката оставалось ещё около часа. Вслед за Много Хвостовых Перьев мы тронулись в путь, держась края длинной рощи, росшей вдоль реки. Она закончилась там, где долина резко изгибалась, поэтому мы должны были идти по открытой местности, пока не дойдем до другой рощи. Огибая изгиб, мы услышали пение ниже нас, мужчины пели странную для нашего слуха песню, несомненно военную. Мы застыли на месте с бьющимися сердцами.

– Враги! Военный отряд! Поднимаются! – крикнул Много Хвостовых Перьев.

Он повернулся, оглянулся на рощу, их которой мы вышли, тряхнул головой и пробормотал:

– Слишком далеко. Слишком далеко.

Потом он указал на заросли шиповника и шалфея справа от нас и велел нам поспешить туда.

В мгновение ока мы на четвереньках вползли туда и сквозь ветки смотрели на изгиб, думая о том, сколько врагов оттуда поднимется. Много Хвостовых Перьев сказал:

– А теперь слушайте, что я вам говорю. Может быть, врагов будет и немного, но мы не должны в них стрелять, если они первыми нас не обнаружат. Только так; мы не должны упустить свою возможность этой ночью найти и убить Белую Собаку.

Ха! Едва он это произнес, как из-за изгиба вышел мужчина. Это был высокий человек, он шел легкой стремительной походкой, на нем была накидка из белого одеяла и меховая шапка, он нес ружье, положив его ствол на локоть левой руки, на левом плече у него висел небольшой туго набитый мешок. За ним, за поворотом вниз, продолжалось пронзительное пение, словно певцы стояли там или танцевали.

Много Хвостовых Перьев взволнованно произнес:

– *Ха!* Кажется, это сам Белая Собака приближается к нам.

– Это Белая Собака! – воскликнул Маленькая Выдра.

– Да, это сам Белая Собака, – прошипел Белая Антилопа.

– Я. Я один должен убить его, – объявил наш предводитель.

– Сейчас ты не должен стрелять в него, Много Хвостовых Перьев, – сказал Хвост Ласки. – Мы должны сначала увидеть, сколько людей за ним следует. Их может быть слишком много, чтобы нам сражаться с ними.

В ответ на это наш предводитель навел винтовку на человека и выстрелил. Пуля попала тому в левую ногу между лодыжкой и коленом – мы видели, как она ударила его, и он опустился на колени.

С торжествующим воплем Много Хвостовых Перьев вскочил, снова выстрелил, попав ему в корпус, и побежал к нему, а мы за ним. Как и у нас, у Белой Собаки была винтовка Генри, и хотя он был серьезно ранен, но всё же смог сделать по нам три выстрела; первым выстрелом он убил Маленькую Выдру, третий разорвал мне мышцы левой руки прямо под плечом. Потом он, уже без сил, опустил винтовку. Много Хвостовых Перьев подбежал к нему, вырвал у него ружье, ударил его прикладом и сказал ему, как долго он его искал и что теперь он, убивший

стольких пикуни, должен умереть – убийца отца Много Хвостовых Перьев, его деда и многих родственников.

– Тяжёлый Бегун, мой давний друг, ты можешь взять его скальп. Я покончил с ним.

Тяжёлый Бегун схватил прядь волос на затылке, подрезал кожу и рывком сорвал прядь переплетенных яркими шнурками волос. Много Хвостовых Перьев выстрелом добил стонущего Белую Собаку, и в этот момент из-за изгиба показались те, кто шёл за ним и начали стрелять в нас, почти сразу убив Белую Антилопу. Мы оставались на своих местах и стали отстреливаться, и в этом у нас было преимущество, потому что у нас были магазинные винтовки, а у большинства из них – однозарядные Спрингфилды. Против нас они не могли долго выстоять. Почти сразу мы убили четырех из них, и затем ещё одного, потом они резко развернулись и побежали назад, скрывшись за изгибом.

– Пёсьи морды! Они убили храброго Маленькую Выдру, храброго Белую Антилопу. Пойдем. Мы должны взять скальпы и оружие убитых нами, – сказал Тяжёлый Бегун.

– Нет. Они поднимутся на край равнины и оттуда будут стрелять в нас. Мы должны подняться в ту рощу, выше, – сказал Много Хвостовых Перьев, забирая ружье Белой Собаки и его патронташ и мешок.

Тяжёлый Бегун сердито произнес:

– Тогда идите. Оставьте меня. Я посчитаю *ку* за тех, кого мы убили, и возьму доказательства их смерти, возьму их скальпы, чтобы несчастные вдовы и дети наших убитых друзей могли танцевать с ними.

– Слишком опасно, – настаивал Много Хвостовых Перьев, – нам вполне достаточно скальпа Белой Собаки.

Но Тяжёлый Бегун ушел.

– Бесполезно с ним спорить, он слишком самостоятельный, – сказал Много Хвостовых Перьев. – Ладно, Хвост Ласки и Голова Медведя пусть возьмут оружие и вещи наших несчастных убитых друзей. О, как же плохо, что мы не можем их похоронить.

Моя рана кровоточила и болела. Прежде, чем мы прошли полпути к роще, я почувствовал слабость. Много Хвостовых Перьев велел остановиться, забрал у меня ружье и мешок и перевязывал мою рану куском рубашки, когда внизу на краю равнины раздались выстрелы и мы увидели Тяжёлого Бегуна, который упал, затем вскочил и снова стал стрелять.

– Не убит, – сказал Много Хвостовых Перьев. – И скальпы он не взял, не дошел. Теперь он снова может присоединиться к нам.

Перерезающие Горло не подходили к нам близко, хорошо зная, что сможем мы сделать с нашими магазинными винтовками, и не зная, что кроме нас здесь никого больше нет. Они вернулись на равнину, несомненно собираясь послать одного из их числа в лагерь за помощью, пока остальные будут нас сторожить.

Солнце садилось, когда мы вернулись в рощу и сели, чтобы обсудить положение, в котором оказались, не переставая наблюдать за равниной. Тяжёлый Бегун присоединился к нам, угрюмый после своего глупого поступка; рана его было неопасной. Мы должны были покинуть рощу прежде, чем все силы Перерезающих Горло придут и окружают её, сказал Много Хвостовых Перьев. Они ждут, что мы попробуем уйти от них, поднимаясь по долине под прикрытием деревьев. Но мы так делать не станем. Вместо этого мы должны переправиться через реку и пойти по долине на север, а потом залечь до следующей ночи, когда спокойно сможем пойти в свой лагерь.

– Но вождь, разве мы не должны попробовать совершить набег на лагерь Перерезающих Горло, чтобы увести у них несколько быстрых скакунов? – спросил Хвост Ласки.

– Нет. Не найдя нас здесь, они на много ночей усилят охрану своих лошадей. Так что мы идём домой пешком.

– Идти домой, – прорычал я. – Двое наших хороших друзей убиты, из нас двое ранены, мы здесь в опаснейшем положении. Много Хвостовых Перьев, что теперь ты скажешь о своем вещам сне, сулившем нам удачу, и о вороне, давшем нам знак?

– Всё оказалось верным. Я убил Белую Собаку, худшего из всех наших врагов, не так ли? Наши друзья были убиты, но это не было моей ошибкой. Просто они не смогли получить защиту Вышних.

Даже хорошо зная о том, что наши враги держатся у края равнины или ближе, наблюдая за нашей рощей, видеть мы их не могли. Мы считали, что, когда стемнеет, они пройдут к верхней части рощи и попробуют выгнать нас оттуда. Из всех нас только Много Хвостовых Перьев пребывал в хорошем настроении, уверенный в том, что с нами все будет хорошо.

Остальные сидели, полные тревожного ожидания, и боялись увидеть, как появится прибывшая из лагеря орда Перерезающих Горло и окружит рощу. Мы съели последнее оставшееся у нас жареное мясо.

Наконец стемнело. Мы вошли в реку, нашли брод, и, когда стало совсем темно, сняли мокасины и гетры и бесшумно добрались до другого берега, оделись и медленно и тихо проползли на равнину по кустам высокой полыни, а затем укрылись в овраге. Приближаясь к его началу, мы услышали, как орда Перерезающих Горло с криками и песнями движется по равнине к роще, в которой мы прятались.

Много Хвостовых Перьев сказал:

– Они там, друзья. Я знал, что они появятся. Моя священная магия предупредила меня об этом. Мы вовремя ушли из рощи. Они напрасно будут нас искать. Ха! Мы можем посмеяться.

– Только не я. Двое наших друзей убиты. Я не вижу причины для смеха, – ответил я ему.

– И я. И я, – пробормотали остальные, потому что сердца наши были печальны.

Ну что же, Головорезов мы больше не видели. Настало утро. Мы всю ночь шли по равнине, далеко уйдя от реки, и с рассветом свернули в долину, подстрелили оленя, хорошо поели и легли спать, несколько позволяла мне моя рана. Однако, она уже не очень сильно болела. Оттуда, ночь за ночью, мы шли обратно, и на семнадцатое утро подошли к форту Конрад. Много Хвостовых Перьев убеждал нас присоединиться к нему во время победных песен и танца скальпа, во время которого он собирался танцевать со скальпом Белой Собаки, крича о том, что он убил худшего из Перерезающих Горло.

Прибежали, чтобы встретить нас, женщины; мужчины, которым бежать было несолидно, подошли позже. Было много радости по поводу того, что сделал Много Хвостовых Перьев. Но пришли и вдовы Белой Антилопы и Маленькой Выдры. И в лагере был траур. Один только наш предводитель был рад тому, что мы сделали во время этого набега на Перерезающих Горло; но все мы знали, что просто сделали то, что должны были быть сделать, чтобы избавить пикуни от их старого врага – Белой Собаки³.

Опубликовано в «Грейт Фоллз Трибьюн» 8 и 15 ноября 1939 года

³ В 1939 году мистер и миссис Шульц посетили индейцев племени ассинибойнов в форте Белкнап и там познакомились со старым ассинибойном по имени Возвращающийся Охотник, который был членом отряда Белой Собаки во время его смерти. Возвращающийся Охотник был на самом деле одним из немногих, кто ушел оттуда живым. Апикуни и Возвращающийся Охотник восстановили все подробности сражения и убийства Белой Собаки, каждый говорил на своем языке (язык черноногих Апикуни знал в совершенстве), при этом оживленно жестикулируя, как видела госпожа Шульц. Они обговорили все детали, и Апикуни воспользовался возможностью проверить все факты, установив точное время и место этих событий с точки зрения ассинибойнов.

Глава вторая

Бизоньи шкуры

Последний торговый лагерь пикуни

Форт Конрад состоял из двух соединявшихся между собой рядов строений, вытянувшихся параллельно реке примерно в пятидесяти футах от неё, которые с западного конца были соединены конюшней и корралем. В южном ряду были конторы, торговые залы, склад и одна жилая комната. Остальное жильё было в северном ряду. Летом 1879 года там жили Кипп, его жена, Двойной Удар, их приёмные дети, Уильям и Мэгги Фицпатрик, мать Киппа, Земная Женщина, и её близкая давняя подруга, Женщина-Ворона, клерк Хайрем Д. Апхем, его жена, Женщина-Копьё, Фрэнк Пирсон и Чарльз Роуз, работники-метисы, моя жена, Красивый Щит, и я. Мне было и хорошо, и грустно. Два года назад я получил от мамы и опекуна разрешение отправиться на запад, чтобы поохотиться на бизонов, дав твёрдое обещание вернуться осенью, чтобы продолжить учебу в военной академии Пикскилл, готовящей к поступлению в Вест-Пойнт. Но слово я не сдержал: дикая, свободная жизнь Запада так притягивала меня, что вернуться я не смог.

Тем летом 1879 года пикуни, которых в нашем бюро называли черноногими, стояли лагерем вокруг агентства на Барсучьем ручье, в тридцати милях к западу от нас. Их сородичи, Кровь и черноногие, были в провинции Альберта, на реке Живота, которую потом назвали Кривой. Несколько вигвамов пикуни стояли рядом с нами и охотились на антилоп, всё ещё многочисленных в этой части страны. Предыдущей зимой Кипп ездил торговать с пикуни в горы Медвежьей Лапы (Малые Скалистые), и торговля была весьма успешной, а теперь, в августе, прибыли Белый Телёнок, Маленький Пёс, Бегущий Журавль, Маленькое Перо и другие вожди пикуни, чтобы обсудить с ним, где они будут охотиться и торговать следующей зимой. Некоторые склонялись к тому, чтобы снова пойти к горам Медвежьей Лапы, другие предлагали Кипарисовые Холмы, но большинство стояли за реку Джудит, потому что военные отряды черноногих, возвращавшиеся из набегов на Ворон, говорили о том, что у рек Джудит и Стрелы и к югу до Йеллоустоуна было множество бизонов. Так что, после долгих разговоров, во время которых большая каменная трубка с длинным чубуком сделала не один круг, было решено, что Кипп поставит торговый пост на Желтой реке (Джудит), в устье Полынного ручья, а племя будет стоять недалеко от этого места и торговать с ним. Также вожди с готовностью согласились с предложением Киппа, что на этом посту виски продаваться не будет.

У Киппа был целый караван – три упряжки, по восемь быков каждая, и шесть фургонов; Длинный Джон Форги, главный погонщик, обычно совершал рейсы между фортом Бентон, Хеленой и фортом Маклеод, решил, что это новое дело не для него. Так что, оставив наших женщин на зиму в форте Конрад и назначив там главным Хайрема Апхема, мы в конце августа отправились к реке Джудит на пяти фургонах, каждый из которых был запряжен пятеркой лошадей. Двое из погонщиков были сводными братьями жены Киппа, с нами были и Дик Кипп и Билли Апхем. Да, и как же было обойтись без отважной Женщины-Вороны и её красавицы-дочери, шестнадцатилетней Женщине-Флаг – они должны были готовить для нас. И ещё жена Фрэнка Пирсона устроила такой скандал, не желая с ним расставаться, что её тоже пришлось взять.

В те дни странствующие торговцы обычно имели дело с компаниями И. Г. Бейкера или Т.С. Пауэоа и братьев, в зависимости от личных предпочтений. Кипп не был исключением, поэтому на складе компании Бейкера в форте Бентон мы загрузили свои фургоны товарами для торговли и всем необходимым для себя – для хижины и кухни. Потом, вместе с Политти Пепийоном и его фургоном, запряженным четырьмя лошадьми, мы пересекли реку и продол-

жили путь по ручью Шонкин, миновали овцеводческое ранчо Пэриса Гибсона, который позднее стал основателем города Грейт-Фоллз. Это был хороший человек, настоящий мужчина. На ручье Стрелы мы с радостью увидели несколько стад бизонов, и по этому поводу Женщина-Ворона на своем родном языке арикара прочла благодарственную молитву.

В жизни ей пришлось пройти через ужасные испытания. Когда она была ещё совсем молодой, её захватил один из членов военного отряда Ворон, напавшего на маленький отряд арикара, которые охотились на бизонов, и держал её при себе несколько лет, на положении скорее рабыни, чем одной из трех его жен. Потом, после сражения между Воронами и Кровью её захватил один из последних, Пятнистый Вапити, и она стала его четвёртой женой и служанкой трёх остальных его жен. Прошло много горьких для неё лет, и потом, когда племя Кровь отправилось торговать в форт Бентон, она лицом к лицу встретила с матерью Киппа, манданкой. Хотя они и принадлежали к разным племенам, в детстве были близкими подругами. Они обнялись, расцеловались, и Женщина-Ворона, обливаясь слезами, рассказала о своей тяжелой жизни с первым и вторым пленителями. Когда она закончила свой рассказ, Земная Женщина сказала ей:

– Милая подруга, здесь твои неприятности закончились. Ты не уйдешь отсюда вместе с Кровью. Я заберу тебя у него, ты останешься со мной.

После этого Земная Женщина отправилась к Пятнистому Вапити, чтобы поговорить о ней. Он улыбнулся и сказал, что Ворона – очень хорошая работница и очень ему нужна, и он её добровольно не отпустит. Земная Женщина предложила за неё новое многозарядное ружье (винтовку Генри). Нет, сказал тот, она стоит много ружей и много лошадей. На это Земная Женщина ответила:

– Или ты берешь ружье и отпускаешь её, или я скажу белым солдатам, что ты украл её, и тебя на много зим посадят в тюрьму.

– Нет, нет. Не ходи к ним. Давай ружье, и она твоя, – быстро ответил тот.

Стада бизонов и многочисленные группы антилоп разбегались при нашем приближении, пока мы двигались к слиянию реки Джудит и Полынного ручья, мы видели и множество оленей и вапити, когда, переправившись через реку, поставили лагерь в лесу чуть выше устья ручья. Пока другие всем этим занимались, я, сделав удочку из ивового прута, насадив как приманку кузнечика, направился к реке и скоро вытащил из глубокого омута прекрасную форель в фунт весом – местные форели были не такие, как в Адирондакских горах в штате Нью-Йорк, где я бывал в отпуске. Я очень пожалел, что не привез на запад свои легкие удочки и набор искусственных приманок, потому что рыбалка никогда не была моим хобби. Я почистил и пожарил две сковородки форели, и, к моему удивлению, только Кипп присоединился ко мне за трапезой. Как я потом узнал, связано это было с тем, что, по поверьям черноногих, рыба принадлежит ужасным *Saiyu Tanu* (Подводным Людям), чудовищам в облике человека, которые живут в реках и озерах и при каждой возможности ловят неосторожных пловцов и утаскивают их в свои подводные жилища, где убивают.

На следующее утро мы начали рубить деревья для нашего нового поста в большой роще хлопковых деревьев у слияния реки и ручья. Работу мы закончили к началу октября. Одно из строений, размером шестнадцать на сорок футов, состояло из торгового зала и склада; другое, состоявшее из трех комнат, стало кухней, которую сразу заняли Женщина-Ворона и её дочь, в другой комнате поселились Пирсон и его жена, в третьей – мы с Киппом. Наши погонщики спали в помещении склада. Пост был весьма скромным, но нам этого было достаточно.

Пикуни и несколько вигвамов Крови появились вскоре после того, как пост был готов, и пришел также и тот, кто стал моим добрым другом на долгие времена – Эли Гуардипи, которого пикуни называли Несет Ружье Вперед. Он принадлежал к семейству, оставившему после себя множество названий по всему северу – например, брод Гуардипи на Кривой реке. Его мать –

женщина шустрая и сообразительная, была из племени шошонов. Он был всего на год старше меня – высокий, стройный, умный, добросердечный, храбрый до безрассудства, прекрасный охотник и самый меткий стрелок из тех, кого я когда-либо знал.

Бизоний мех до ноября был не очень хорош, поэтому до декабря ни одной шкуры не прошло через нашу стойку. Но с прибытием пикуни мы стали покупать их по сотне и даже больше в день, помимо множества шкур оленей, вапити и антилоп – столь многочисленны были они на соседних равнинах. За каждую шкуру мы давали товаров на доллар. У нас не было ни весов, ни оберточной бумаги, ни пакетов; наши покупатели сами все забирали. Стандартной меркой у нас была кружка объемом в пинту, а не фунт. Сахар стоил двадцать пять центов за кружку, чай и кофе – пятьдесят центов, мука – три чашки за пятьдесят центов, и так далее. Табак стоил два доллара за фунт; патроны – два доллара за коробку. Все, что мы продавали – сукно, ткани разных цветов и видов, топоры, ножи, сковородки, кастрюли, иголки и нитки – приносило нам двойную прибыль. Были ли наши цены слишком высокими? Нисколько. Пикунки были богаты. Мясо было основой их жизни, и у них его было в достатке. Всё, что мы им продавали за их шкуры и меха, не было для них предметами первой необходимости, за исключением патронов, ножей и топоров.

Четыреста вигвамов лагеря пикуни были новыми, белыми; вигвамы, где жили жрецы Солнца, шаманы, были разрисованы разноцветными красками – это были символы небесных богов, Солнца, Луны, звезд, птиц и животных из их снов, или видений. В верхней части каждого вигвама была черной и красной краской нарисована фигура, похожая на мальтийский крест. Это был символ бабочки – считалось, что она приносит хорошие сны.

Пока было много бизонов, на которых можно было охотиться, не было на земле людей более счастливых, более довольных жизнью, чем черноногие. Мясо было для них *нитани ваксин*, настоящей едой; всё остальное они называли *кистани ваксин*, бесполезной едой. Все нужное им мясо и шкуры мужчины добывали охотой. Для них это было не работой, а скорее развлечением. Вся домашняя работа была уделом женщин, но и у них оставалось достаточно времени на развлечения, и их работа была далеко не такой тяжёлой, как труд жён белых фермеров.

На рассвете женщины разводили огонь в вигвамах, а мужчины, накинув шкуры или одеяла, вели своих сыновей, которым было больше трех лет, на реку, чтобы искупаться. Летом и зимой, независимо от погоды, это было их ежедневной традицией. Если нельзя было найти открытый водоем, они сбрасывали свои накидки и катались в снегу, а потом торопились домой, чтобы одеться. Эта процедура, говорят они, делает их привычными к холоду, дает им возможность охотиться зимой и разделывать добычу даже в самый сильный мороз, и при этом у них даже пальцы на руках не замерзают. Летом женщины тоже ежедневно купаются, зимой они проводят процедуры потения в маленьких хижинах, построенных именно для этого.

Днём, если не считать криков играющих детей, лагерь затихал, но перед закатом снова оживал. Мужчины начинали криками звать своих друзей прийти к ним, чтобы покурить и попировать. Члены разных групп военного общества Всех Друзей собирались, чтобы петь и танцевать. Одновременно в сотне вигвамов собирались разные компании – стариков, молодежи, старух, девушек, вождей, главных воинов, жрецов Солнца. Каждый вечер я оказывался в одном из вигвамов, сидя в кругу вокруг костра, чтобы послушать разговоры, и так я услышал множество рассказов – о войнах, об охоте, о деяниях богов. Большим успехом пользовались те, кто мог рассказывать веселые истории – их так часто приглашали в разные компании, что в своих вигвамах они почти не бывали. И это всегда был просто юмор – никаких непристойностей в вигвамах черноногих не допускалось.

Что сказал Джордж Кэтлин о манданах, которых посетил в 1832 году – что это были люди очень доброжелательные – можно в полной мере отнести и к черноногим прежних времен. Мужчина, приглашавший гостей, выходил из вигвама и, громко крича, приглашал тех,

кого хотел видеть. Один за другим гости собирались и занимали места в соответствии со своим положением в племени. Самые почётные гости – такие как вожди, шаманы, воины – садились рядом с хозяином. Когда все рассаживались, женщины раздавали блюда с угощением – лучшим считались вареные или жареные бизоньи языки, горбовые бизоньи ребра, ягодный пемикан; вначале подавались тушёные вяленые ягоды, а хозяин, не прикасаясь к еде, начинал нарезать табак с травами, чтобы покурить. Одновременно он начинал разговор на тему, которая могла всех заинтересовать, или просил одного из присутствующих рассказать о каком-то приключении, которое тот пережил на войне или на охоте; часто случалось, что жрецы Солнца рассказывали о богах или видениях, которые были посланы им ночью. Пока шли эти разговоры, все не спеша ели, и каждый съедал свою порцию. Вопреки распространенному мнению, индейцы, во всяком случае черноногие, много не едят.

Когда все заканчивали есть, хозяин протягивал большую трубку с каменной чашечкой и длинным чубуком одному из присутствующих, чтобы тот её зажёл, взяв горящий уголек из очага; если среди присутствующих есть жрец Солнца, то он с помощью уголька или горячей веточки раскуривал трубку и выпускал затяжку к небу, провозглашая: «О Солнце! О Вышние! Пожалейте нас; помогите нам». Потом следующую затяжку он выпускал к земле со словами: «О мать-Земля! Пожалей нас; помоги нам». Потом он делал несколько глубоких затяжек, и от него трубка переходила из рук в руки до последнего в ряду, потом от него к другим, пока не возвращалась к хозяину. Передавалась трубка с востока на запад, что символизировало движение Солнца. Жрецы Солнца, беря и отдавая трубку, держали её обеими руками, имитируя движения медведя, священного животного, когда тот ловит добычу. У других не было такой привилегии. Кроме этого, у жрецов Солнца была привилегия называть медведя-гризли *куай*, «липкий рот», остальные должны были называть его *кайо*, «потерянный».

Трубка выкурена, хозяин чистит чашечку, дает ей остыть, потом снова набивает и она снова идет по всему ряду гостей. Обычно он набивается три раза в течение примерно часа, что сопровождается приятными разговорами. Наконец хозяин демонстративно вытряхивает пепел из трубки, постукивая ею о доску, на которой резал табак, провозглашая: «Все! Она выкурена!» Тогда все гости встают, выходят из вигвама и расходятся. Как бы радовались цивилизованные хозяева, если бы и они могли бы таким же образом выпроводить своих гостей!

Интенсивная охота на бизонов началась в ноябре, и скоро все женщины были заняты, выделывая тяжёлые, покрытые мехом шкуры. Работа была нелегкой. Шкуры нужно было очистить от остатков мяса и жира, потом растянуть на рамах из вигвамных шестов, где они высыхали, делаясь жесткими, как тонкая доска. Потом, сидя на шкуре, разложенной внутренней стороной вверх, мастерица с помощью стального лезвия округлой формы, вставленной в рукоять из оленьего рога, скребла шкуру, делая её толщину вдвое меньше первоначальной, смягчая её с помощью жира. После этого шкуру намазывали смесью варёной печени и мозгов, складывали и сворачивали, и так оставляли на несколько дней, пока смесь не отклеивалась от кожи. После этого начиналась самая тяжелая часть работы – шкуру разминали и растягивали вручную, пока она не становилась мягкой, как бархат. Это приносило результат: за такую выделанную шкуру мы платили по пять долларов своими товарами.

Такая охота на бизоньи стада привела к тому, что они уходили от нас все дальше и дальше к востоку, пока к началу января ближайшие из них не оказались восточнее ручья Армелла. Теперь охотникам и их помощникам приходилось уходить всё дальше и дальше на восток и юг, чтобы продолжить охотиться, и все это невзирая на холод и глубокий снег. В начале февраля один из участников охотничьего отряда при возвращении замёрз насмерть, а остальные были так плохи, что с трудом выкарабкались.

С начала декабря мы каждый день покупали хорошие бизоньи шкуры. Поскольку виски у нас не было, некоторые из наших поставщиков иногда уходили за горячительным к Риду и

Боуи в форт Рид. Так случилось, что однажды, изрядно перебрав, наш друг вождь Медведь убил метиса с Красной реки, которого звали Флори.

В нашем лагере все было хорошо, пока в начале марта не произошла большая неприятность. Из форта Бентон прибыл лейтенант Кроуз в сопровождении дюжины конных пехотинцев, и, очень волнуясь, объявил, что должен сопроводить пикуни назад, на их земли, в агентство у Барсучьего ручья. Так что он собрал вождей и воинов пикуни и объявил об этом; Кипп был переводчиком. Он сказал, что «полковник» Генри Брукс (владелец ранчо недалеко от нас) обвинил пикуни в том, что те убивают его скот. Этого, разумеется, нельзя было допустить. Так что пикуни должны были уйти.

– Этот белый лжёт! – проревел Бегущий Журавль. – Мы не убивали ни одного из его белорогих (коров). Мы были бы просто глупцами, если бы стали убивать их, когда у нас столько настоящего мяса (бизонов), сколько нам нужно.

Главный вождь, Белый Телёнок, сказал:

– Наши охотники видели белорогих этого белого далеко вниз по Медвежьей реке (реке Устричных Раковин). Эти белорогие дошли до этого места.

– Вождь солдат, ты верно безумен? – спросил Маленькое Перо. – Ты велишь нам вернуться в свою землю? Здесь, где мы стоим, и есть наша земля.

– Эта часть страны не ваша, – сказал лейтенант Кроуз. – Ваша страна – это земля от рек Мариас и Миссури на север до страны Красных Мундиров.

– Вождь солдат, ты ошибаешься, – сказал Белый Телёнок. – Двадцать пять зим назад, там, где сливаются эта река и Большая река, мы подписали договор, который прислал нам твой и наш Большой Отец (президент). Этот договор был написан. Те люди его подписали, наши отцы его подписали, я сам видел, как они его подписывали. Эта запись говорила, что от страны Красных Мундиров на юг до реки Устричных Раковин, и от Хребта (Скалистые горы) на восток до устья Маленькой реки (Молочной) – все это наша земля. Здесь, на этом месте, мы на своей земле. Мы не вернемся в наше агентство; там нет бизонов, и мы будем голодать.

Когда Кипп перевел Кроузу эти слова, бедняга прямо затрясся, и после долгих раздумий ответил:

– Мистер Кипп, они видно не слышали о указе, которым президент Грант открыл для заселения территорию между Миссури и Йеллоустоуном, и о том, что президент Хейс также издал указ, разрешающий заселять земли от Миссури на север до реки Мариас?

– Мы об этом ничего не знаем, – ответил Кипп, – и я не стану им об этом говорить, потому что только Господь знает, что может произойти.

– Так что мне делать? Что я могу? – прошептал Кроуз.

– Просто скажите им, что приказ есть приказ, и что они должны собираться и ехать. А я добавлю то, что, по моему мнению, работает, – ответил Кипп.

– Хорошо. Скажите им, – согласился лейтенант. – Скажите так: друзья, мне вас очень жаль. Я знаю, что вам очень трудно возвращаться на север, уходить от бизоньих стад, но я ничем не могу вам помочь. Мои вожди приказали сопроводить вас туда. Вы должны собраться и завтра выйти.

Едва Кипп перевел это, как вся толпа разразилась громкими воплями:

– Мы отсюда не уйдем! Мы убьем этих солдат! Это наша земля! Мы не оставим её! Доставьте ружья, мы перебьем этих солдат, эти псы морды!

Но Кипп вскочил, крича и делая знаки:

– Послушайте, послушайте меня!

И, когда все немного утихло, он повернулся и сказал вождям:

– Белый Телёнок, Маленький Пёс, Маленькое Перо, Бегущий Журавль, будьте мудрыми. Помните ли вы о том, что сделали белые солдаты с лагерем пикуни на реке Мариас, десять зим назад? Без повода, без причины, они напали на них, когда те спали, и убили почти всех,

и мужчин, и женщин, и детей? Если вы сейчас откажетесь сделать то, что говорит вам этот вождь солдат, их придут сотни и сотни, с ними будут большеротые ружья (пушки), и они убьют всех вас!

– Друзья, то, что сказал нам Вороний Колчан, правда, – сказал другим вождям Белый Телёнок. – Здесь мы беспомощны, мы не можем сражаться с белыми солдатами, которые убивают женщин, детей и даже младенцев на груди у матерей. Так что нам следует сделать то, что говорит нам этот вождь солдат. Или я неправ?

– Мы не можем поступить иначе, – ответил Маленький Пёс.

Другие печально кивнули в знак согласия.

– Тогда расходимся, и успокойте молодых воинов, у которых горячие головы, чтобы они не ввергли нас в неприятности, – посоветовал всем Белый Теленок, и, повернувшись к лейтенанту Кроузу, сказал:

– Только потому, что ты и твои солдаты – убийцы женщин и детей, мы сделаем, как ты сказал. Но завтра мы отправиться не сможем. Нам нужно три дня, чтобы собрать всё имущество и приготовиться к длинному пути в агентство.

На это Кроуз охотно согласился, и совет закончился.

Немного позже Белый Телёнок пришел в наш торговый зал и спросил Киппа:

– О чем говорил это вождь солдат, когда сказал, что это не наша земля?

– Если я тебе об этом скажу, ты обещаешь не устраивать неприятностей? – спросил его Кипп. И, когда тот кивнул в знак согласия, Кипп продолжил: – Друг мой, это значит, что один из твоих и наших Больших Отцов отдал своим белым людям всю твою землю между Большой рекой (Миссури) и рекой Вапити (Йеллоустоуном). А потом, недавно, другой Большой Отец сделал то же самое с землей между Большой рекой и Медвежьей рекой.

При этом Белый Телёнок пал в проstration; он смог только простонать:

– Какие же воры, какие же лгуны эти белые!

Он повернулся и ушел. Тем вечером, и много вечеров после этого, в лагере пикуни не было песен, смеха и веселых разговоров.

Что до меня, то я лично знал нескольких алчных и бессовестных жителей Монтаны, которые, действуя через нескольких сенаторов, конгрессменов и служащих бюро по делам индейцев, добились того, чтобы заключенный в 1855 году договор Стивенса дважды был нарушен. Только из сочувствия к их ныне живущим наследникам я не назову их имён. Мне порой с трудом верится, что президенты Грант и Хейс осознавали, что, ставя свою подпись на бумагах, участвуют в воровстве – самом крупном за всю историю отношений правительства с подопечными индейцами. В течение нескольких лет черноногие и пикуни пытались получить компенсацию за отнятые у них земли, но всё впустую.

Путь пикуни на север начался вовремя, и мы отправились вместе с ними, потому что всю зиму наши фургоны, запряженные четверкой лошадей, отвозили купленные нами шкуры и меха в форт Бентон по мере того, как мы их покупали, и всего мы отправили туда 1800 бизоньих шкур, 3000 шкур вапити, оленей и антилоп, несколько лисьих и бобровых. Двигались мы медленно, потому что в результате дальних охотничьих походов лошади пикуни сильно отошались. По пути в форт Бентон пало около двухсот лошадей. Мне случилось присутствовать при встрече лейтенанта Кроуза с его начальником, полковником Моалом, которая произошла на улице. Полковник сразу начал ругать лейтенанта за задержку, Кроуз возразил:

– Клянусь духом Цезаря, полковник, я сделал все что мог!

На что Моал проревел:

– ты, Кроуз, раз уж не можешь ругаться, как мужчина, лучше совсем не ругайся!

По пути из форта Бентон в форт Конрад от истощения пало ещё двести лошадей пикуни. Поэтому пикуни на несколько месяцев остались с нами, обрабатывая и продавая нам оставшиеся у них бизоньи шкуры и шкуры антилоп и оленей, на которых они ежедневно охотились.

Едва мы добрались до дома, как Кипп начал планировать торговлю на следующую зиму. Он говорил об этом с вождями пикуни, потом, оседлав хорошую лошадь, съездил на север, чтобы переговорить с вождями Крови и черноногих. Было решено, что мы поставим торговый пост на Миссури, немного выше устья реки Устричных Раковин, и что все три племени будут зимовать в тех местах и торговать с нами.

Опубликовано в «Грейт Фоллз Трибьюн» 7 апреля 1935 года.

Последняя охота на большие стада (1880-1881)

Так наступил июнь 1880 года. Мы в Форт-Конраде были не слишком веселы; нам предстояло в последний раз построить торговый пост и получить последние бизоньи шкуры, которые черноногие могли бы выделать, потому что конец стадам бизонов был близок. Центр скопления оставшихся стад находился примерно в месте слияния рек Миссури и Устричных Раковин. Черноногие и Кровь Альберты обещали *Маститнопачи* («Вороний колчан», Джозеф Кипп), что где бы в этом последнем прибежище бизонов он ни построил бы форт, они придут туда, чтобы охотиться и торговать с ним.

Кипп решил, что он обоснуется в Кэрролле, примерно в тридцати милях выше устья реки Устричных Раковин, где за несколько лет до этого полковник Бродуотер, Лэтт Кэрролл и другие пытались организовать короткую грузовую линию от паровой пристани на реке Миссури до Хелены. Просуществовала она недолго. В начале июня Кипп отправился со своим караваном из бычьих фургонов, начальником которого был долговязый Джон Форги, в форт Бентон, где загрузил его товарами для торговли и всякими нужными вещами и отправил их туда, после чего вернулся в форт Конрад.

10 июня мы сами отправились к этому месту с тремя упряжками из четырех лошадей и фургонами, с Чарльзом Роузом (Жёлтой Рыбой), Фрэнком Пирсоном (Рогами) и Человеком-с-Погремушками в качестве погонщиков. Кипп, его мать – Женщина-Земля, Женщина-Ворона и её приемная дочь, Женщина-Флаг, Эли Гуардипи и я были пассажирами. Мы оставили Хирама Апхэма присматривать за фортом, и мы с Киппом оставили там наших жён. Мы боялись брать их с собой в эту дикую страну.

Прибывшие в форт Бентон фурунги были загружены товарами для торговли, и мы с Филиппом и Гуардипи отправились позже на пароходе «Красное Облако» с ещё большим количеством товаров для торговли. Добродушный, бесстрашный Чарльз Уильямс был капитаном этого судна, принадлежавшего «И.Г. Бейкер и компания». Мы покинули форт Бентон ранним утром. В устье ручья Стрелы мы впервые увидели бизонов, небольшое стадо, и после этого их стада постоянно были в поле зрения.

На много миль ниже устья реки Мариас узкая долина Миссури представляет собой миниатюрный Гранд-каньон, скалы которого причудливо изрезаны ветрами и дождями. Кипп, Гуардипи и я сидели с капитаном Вильямсом на верхней палубе, наслаждаясь впечатляющим пейзажем – Гуардипи был рядом с ним. Когда мы приблизились к устью Орлиного ручья, то увидели снежного барана, который стоял на выступе отвесной скалы и с интересом наблюдал за быстро удаляющимся судном.

– Я убью его, – воскликнул Гуардипи.

– Слишком далеко. Ты не сможешь, – сказал я.

Затем баран оказался всего в 250 ярдах над нами. Не отвечая, охранник поднял винтовку, прицелился, выстрелил, и баран прыгнул со скалы в реку с громким всплеском. Капитан Уильямс побежал в рулевую рубку, сам встал за штурвал и что-то крикнул своим помощникам. Вскоре баран был поднят на палубу, и пассажиры судна впервые и, вероятно, в последний раз отведали сочных бифштексов из толсторога. Я уже говорил раньше и повторю ещё раз, что Эли Гуардипи был самым метким стрелком, которого я когда-либо знал.

Ближе к вечеру мы прибыли в Кэрролл и остановились у двадцатифутового обрыва, по которому шла узкая пологая тропа, поднимающаяся на верхнюю часть долины. Это было плоское место, поросшее полынью; ниже была большая роща хлопковых деревьев, в которой Долговязый Джон Форги и его погонщики рубили бревна для нашего поста. От построек Бродуотера и Кэрролла ничего не сохранилось. На самом краю низины стояло небольшое бревенчатое строение, построенное Огастесом Тайлером, который вёл какую-то торговлю с лесорубами,

которые то тут, то там поселились вдоль реки, снабжая пароходы дровами. В то время он был в форте Бентон и хорошо там развлекался. Я поднялся в каюту, а там на полу лежал его помощник – не буду называть его имени – мертвецки пьяный. Он был виргинцем, джентльменом; его единственный недостаток – пьянство. Позже Кипп пожалел его и заботился о нем долгие годы, пока он не умер в больнице форта Бентон. Он был всего лишь одним из старожилов, которых Кипп кормил, одевал и о которых заботился до самой их смерти. Как я уже говорил, черноногие называли Киппа звали Вороновый Колчан. У него было большое сердце. Он всегда был настоящим отцом для бедных и страждущих.

К 1 сентября наш торговый пост был закончен. Главное бревенчатое здание с земляной крышей было размером сто на сорок футов, с перегородкой, отгораживающей помещение двадцать пять на сорок футов, которая служила нам торговым залом. В юго-западном углу стояли наши с Киппом кровати; рядом с стоял старый сейф фирмы «Уэллс Фарго», от дверцы которого имелся большой, необычной формы медный ключ. В комнате было два прилавка, за которыми были полки с продуктами и товарами. За этим отсеком находилась одна из трёх комнат, наша кухня и столовая, а также помещения для нашего повара и нескольких работников. На нашем складе, как мы называли большую часть поста, хранился запас товаров на сумму 6000 долларов. Пароход, шедший вверх по реке из Сент-Луиса, привез нам шестьдесят бочек хорошего, виски «Синяя Лента», которое заказал Кипп. Мы боялись маршала Соединенных Штатов и не решались держать его на нашем посту; поэтому мы построили для него отдельный домик и назначили ответственным за него человека по имени Хьюи. Когда индейцы приехали и захотели купить его в числе прочих своих приобретений, мы давали Хьюи соответствующее распоряжение. Мы построили ещё одну небольшую хижину для копчёных бизоньих языков.

К северу и югу от нас равнины были черны от стад бизонов. Каждый день они спускались к нам, чтобы напиться воды в реке и вернуться на равнину, чтобы продолжить пастись. У них был брачный сезон, и мы издалека могли слышать приближение стада по глухому мычанию быков. Это было похоже на глухое ворчание, сильно отличающееся от мычания домашних быков. Время от времени в этот брачный сезон стадо быстрым шагом спускалось с равнины, бросалось в реку, пересекало её и бродило по равнине на другом берегу. Из нескольких оставшихся у нас досок я соорудил лодку. Однажды я сказал Киппу:

– Когда бизоны будут пересекать реку, давай пойдём, поймем нескольких телят и вырастим их.

– А где же взять молоко, где взять сено, чтобы их кормить? И даже если мы сможем вырастить нескольких, что мы с этого будем иметь?

Я не смог ответить. Но в том же году Чарльз Аллард и Фичелл Пабло поймали нескольких телят и перегнали их в страну Плоскоголовых, в результате чего канадское правительство заплатило им за стадо 40 000 долларов. Это была основа знаменитого стада Уэйнрайт, в Альберте, которое сейчас насчитывает много тысяч голов. Ежегодно некоторых из них отправляют далеко на север, на пастбища реки Мира, для скрещивания с огромными черными бизонами, обитающими в этой лесистой местности. Там они процветают под бдительным присмотром конной полиции Северо-Запада.

Первыми из наших друзей прибыли черноногие. Я увидел их караван длиной в милю, направлявшийся к долине напротив нас, и поспешил на своей лодке им навстречу. Несколько предводителей племени, соскочив с коней, собрались на песчаном берегу. Красиво одетые, хорошо вооруженные, они держались с большим достоинством. Выпрыгнув из лодки, я сказал:

– Я прибыл как посланец от Воронового Колчана. Он приглашает Большую Ногу Ворон пойти покурить и поесть с ним.

Из их ряда выступил индеец, умный с виду и с самым пронизательным взглядом, какого я когда-либо видел – он не выделялся ни ростом, ни мощным телосложением, но обладал удивительно величественной внешностью. Пожимая мне руку, он сказал:

– Ты хорошо говоришь на нашем языке, молодой белый. Мне не терпится навестить моего близкого друга Воронового Колчана. Пойдём.

Я наблюдал за белым мужчиной в группе – смуглым, с бакенбардами, в штанах из оленьей кожи и накидке из одеяла. Он взволнованно сказал мне на языке черноногих:

– Мы в опасности. Мы слышали, что Перерезающие Горло (ассинибойны), их много, приближаются с намерением разделаться с нами.

– Ты, Три Человека, закрой свой рот, – сказал Большие Ноги Ворон. Если перерезающий Горло придут сражаться с нами, мы, как всегда, заставим их заплакать. – И с этими словами он сделал мне знак: – Давай переправимся.

Два младших вождя племени сели в лодку вместе с Большие Ноги Ворон. Когда мы высадились, Кипп был на берегу, чтобы поприветствовать их. Он и Большие Ноги Ворон обнялись, потерлись щеками и сказали, как они рады снова встретиться. Двое других тоже поприветствовали его. Мы поднялись в нашу кухню-столовую, где нас уже ждал дымящийся ужин. Как только я смог, я спросил Киппа:

– Кто этот белый напротив, которого зовут Три человека?

Улыбаясь, он ответил:

– Это француз по имени Ла Рю. учился на священника, но его отчислили из-за того, что он спутался с женщиной. С тех пор он путешествует вместе с черноногими. Пытался убедить их, что есть только три бога: Отец, Сын и Святой Дух. Поэтому они в насмешку прозвали его «Три человека».

В тот день племя переправилось через реку – лошади вплавь, вещи погрузили на плоты, и разбило лагерь недалеко от нашего поста. Перед тем, как отправиться на реку Устричных Раковин, Кипп и Большие Ноги Вороны серьезно поговорили. Кипп убедил его, что бизоны будут приходить ещё год или два, а потом и вовсе перестанут.

– И когда они, наша настоящая еда. исчезнут, что тогда будет с нами? – спросил он однажды.

– Тебе придется идти путём белого человека. Выращивать зерно и белые рога для пропитания, – ответил Кипп.

– Хайя, хайя! – воскликнул вождь. – Какое же это будет никчемное существование. Лучше, если, когда наши бизоны исчезнут, чтобы и мы исчезли вместе с ними.

Вскоре прибыли кайна (Кровь), около тысячи, с вождями Бегущим Кроликом и Виден Далеко. Простояв несколько дней неподалеку от нашего поста, они двинулись по Большому Кривому ручью, чтобы там охотиться.

Мы успешно торговали с этими двумя племенами, покупая шкуры вапити, оленей, антилоп, волков и бобров до поздней осени, когда они начали приносить много новых, выделанных бизоньих шкур с отличным мехом. Вскоре к ним присоединились, к нашему великому удивлению, Луи Риэль и ещё около ста семей его людей с Красной реки – метисов французов и кри, и около тысячи кри во главе со своим вождем, Большим Медведем.

Метисы и кри прибыли сюда, когда черноногие и Кровь остановились лагерем на нашем посту, на несколько дней, чтобы поторговать с нами. Оба этих племени были врагами кри. В одно и то же время разные группы этих племён, принадлежавшие к обществу Всех Друзей, начали раскрашиваться и вооружаться, крича, что теперь они полностью уничтожат всех кри, эти пёсьи морды. Мы все понимали, что если они начнут сражаться, то наша процветающая торговля прекратится. Наши сердца наполнились радостью, когда Кипп послал весточку черноногим, Крови. и вождям кри, чтобы они пришли и поговорили с ним. Они вскоре прибыли; так я впервые увидел Большого Медведя – коренастого, низкорослого, с грубым лицом, бедно одетого. Он так отличался от высоких, с тонкими чертами лица, хорошо сложенных и хорошо одетых вождей других племен. Он довольно сносно говорил на языке черноногих. При всей

своей непривлекательной внешности он, несомненно, был человеком властным и храбрым, иначе не смог бы стать вождем.

Встреча вождей черноногих и Крови с Большим Медведем, по-видимому, была довольно дружеской. Как только они расселись, Кипп налил каждому по стаканчику виски, а затем подошел к Большим Ногам Вороны, чтобы раскурить большую каменную трубку с длинным чубуком, которую он приготовил специально для этого случая. Все курили по очереди, и это обнадеживало. Перед ними поставили еду, и они поели, разговаривая о насущных проблемах. Была выпита ещё одна порция виски. Трубка была снова набита и выкурена, и Кипп сказал своим гостям:

– Друзья мои, вы разбили лагерь здесь, посреди последнего стада бизонов. Скоро их больше не будет. Живите пока хорошо среди этих стад. Когда они исчезнут, я настоятельно советую вам ставить лагеря и охотиться в мире друг с другом. Я также говорю это ради ваших женщин и детей. Ведь вы же знаете, что ваши войны делают их вдовами и сиротами.

Пока он говорил, мы слышали, как самые горячие головы в лагерях крови и черноногих поют военные песни и перекрикиваются друг с другом.

Большие Ноги Вороны сказал:

– Я за мир между нами и твоими индейцами кри, Большой Медведь. Что скажешь?

– Мы знали, что вы все здесь, но мы должны были прийти или умереть с голоду, потому что нам больше некуда было идти, – сказал Большой Медведь. – Я всецело за мир. Вас много, а нас мало. Я прошу вас отнестись к нам с сочувствием.

Затем сказал Бегущий Кролик:

– Слышите, как там поют боевые песни. Давайте успокоим их. Пойдём прямо сейчас.

Они вышли без лишних слов, а мы с Киппом последовали за ними. Сначала в лагерь черноногих, где Большие Ноги Вороны коротко сказал своим воинам, что они определенно не будут сражаться с кри. Если кто-нибудь ослушается его приказа, им придется сражаться с ним самим. Оттуда мы поспешили в лагерь Крови, где Бегущий Кролик кратко говорил со своими воинами, и они угрюмо его слушали. Затем, когда мы приблизились к лагерю кри, все поспешили нам навстречу, и я заметил, какими напряженными и встревоженными они были, судя по выражению их лиц. Но после того, как Большой Медведь поговорил с ними, они все заулыбались и вернулись к своим делам, радостно болтая и напевая.

Хотя мы и опасались, что это мирное соглашение вскоре будет нарушено некоторыми горячими молодыми головами черноногих или Крови, на самом деле оно действовало до тех пор, пока три лагеря не остались в этой части страны, пока, по сути, они не ушли обратно в Канаду. Зимой 1880-1881 годов они по отдельности разбили лагерь и охотились на равнинах к югу от реки, часто приезжая к нам, чтобы обменять свои бизоньи шкуры, и, разбив лагерь неподалеку от нашего поста, весело проводили там время.

Метисы Луи Риэля на своих высоких самодельных скрипучих тележках, запряженных одной лошастью, с двумя колесами, бродили по окрестным равнинам – некоторые из них, а другие строили хижины и жили в них в долине реки ниже нас. Эти люди были хорошими охотниками и трапперами, а их женщины – искусными дубильщицами бизоньих шкур. Нам нравилось торговать с ними, но не нравились они сами. На самом деле их более чем недолюбливали все индейские племена, за исключением кри, и белые в их стране, да и в нашей тоже. Я сам едва мог терпеть стоять за прилавком и торговать с ними, потому что на своем ломаном французском они всегда поносили нас, всех этих «проклятых америкашек».

Однако, один из них, Луи Риэль, не вызывал у нас неприязни; мы его жалели. Он часто приходил поторговать и рассказать нам с Киппом о своих проблемах и планах. Риэль был невысокого роста, довольно плотного телосложения, светлокожий, голубоглазый, с бакенбардами почти каштанового оттенка. Он получил образование в каком-то католическом духовном заведении, но почему-то так и не был рукоположен. У него были хорошие манеры, за исключением

того, что его приветствия и прощания были чрезмерно вежливыми. Как лидер своего народа метисов, во время ссоры народа кри с канадским правительством он убил правительственного чиновника и, бежав через границу, приехал в Соединенные Штаты и стал гражданином этой страны. Теперь он планировал с Большим Медведем и его кри в качестве союзников вернуться туда со своими метисами и занять спорные земли. Мы с Киппом неоднократно говорили ему, что это может привести только к войне. Хорошо, говорил он, все они возвращались хорошо вооруженными, с большим количеством боеприпасов, и были хорошими, опытными бойцами; они могли справиться с Северо-Западной конной полицией.

– Если понадобится, из Англии придут войска, чтобы подчинить вас, – сказал я ему однажды, но на это он только рассмеялся.

Да, несмотря на все свое образование, Риэль был фантазёром и мечтателем. Он был уверен, что сможет достичь всего, за что бы ни взялся. Однажды он сказал мне, что он был вторым Моисеем, что, как и в библейских текстах, Господь был с ним; что он обязательно вывел бы свой народ из рабства.

Так и началось восстание Риэля в 1884 году, в результате которого он был повешен, а Большой Медведь заключен в тюрьму на всю оставшуюся жизнь.

Там, где мы были, и позже, в Канаде, Риэль часто уговаривал Большие Ноги Вороны присоединиться к нему и его товарищам в борьбе с Красными Мундирами. Тот неизменно отказывался. За это, а также за его неизменное дружелюбие к ним, канадцы воздвигли красивый памятник в память о нем. Сегодня круг из сцементированных камней и бронзовая табличка на утёсе, возвышающемся над рекой Лука, указывают на то место, где стоял вигвам, в котором умер Большие Ноги Вороны.

Всю зиму некоторые индейцы из трёх племён стояли лагерем неподалеку от нашего поста, и время от времени они все приходили туда, обменивая свои бизоньи шкуры и отдыхая после напряженной охоты. Мы платили пять долларов за хорошо выделанную шкуру бизона с головой и хвостом. Семья часто приносила от пяти до десяти шкур за раз. Мужчина пересчитывал однодолларовые медные жетоны, которые мы выдавали за них, и, оставляя несколько штук для себя, отдавал остальное своим женщинам.

В основном они покупали сахар, чай, муку, соду, ткань для платьев, бусы, нитки и иголки. на свои жетоны мужчина покупал табак, патроны и порцию виски. Но не всегда виски. Многие мужчины из племени его в рот не брали. Большие Ноги Вороны был одним из них. Но некоторые из них выпивали достаточно, чтобы по ночам в лагерях было очень оживленно. В десятках вигвамов собирались большие группы мужчин и женщин, которые били в барабаны, пели, танцевали, рассказывали истории.

Зимой Кипп, Эли Гуардипи и я по очереди брали несколько выходных, чтобы побывать в лагере черноногих или Крови, на равнине, и поохотиться. Однажды летом, когда Кипп находился в лагере черноногих, он принял участие в охоте на большое стадо бизонов, во время которой молодой охотник убил большую пятнистую корову. Её голова и хвост были чисто-белыми; от шеи назад по всей длине живота тянулась белая полоса, а на боках у неё были большие круглые белые пятна. Молодой воин осторожно снял с неё шкуру, отдал её своему отцу, старому Пятнистому Орлу, и тот сказал Киппу, что, когда шкура будет выделана, он получит её. Тут один из жрецов Солнца (шаман, владелец священной трубки) выступил с возражением. Белый бизон принадлежал Солнцу. Соответственно, когда летом женщина, давшая священный обет, поставит священную хижину, выделанную шкуру нужно было привязать к центральному столбу и подарить Вышнему. На что Пятнистый Орёл ответил, что это не белый бизон, а всего лишь с белыми пятнами, следовательно, не принадлежащий Солнцу. Солнце не захочет такой жертвы. Поэтому её должен получить Вороновый Колчан (Кипп).

Итак, однажды в апреле, когда нам сообщили, что старый Пятнистый Орёл и его семья принесут пятнистую шкуру, как велел Кипп, мы поспешили разложить на полу торгового зала

подарки для него: мешок сахара, пятьсот патронов, пятьдесят фунтов муки, два одеяла, один винчестер, пять фунтов табака, галлоновый бочонок виски, всякие мелочи для женщин.

Вошли старик, его сын, две его жены; старик держал в руках шкуру.

– Как я и обещал тебе, Вороновый Колчан, вот она, – сказал он, протягивая её Киппу.

– Хорошо. И у меня есть несколько подарков для всех вас, – ответил Кипп, указывая на груды вещей на полу. Старик уставился на них, от удивления хлопнул ладонью по губам и воскликнул:

– *Пахи икахсапс нитака, Мастанопачис!* (Как щедр мой друг, Вороновый Колчан!)

Его сын и жены были одинаково приятно удивлены; они чуть ли не бегом бросились к куче – сын, чтобы взять винтовку, женщины, чтобы опуститься на колени и погладить свои безделушки. Старик сказал им:

– Немедленно заверните этот бочонок в одеяло.

Шкура была идеально выделана – она была мягкая, как бархат, и на её внутренней стороне старик нарисовал несколько пиктограмм с изображением убитых им врагов, угнанных им вражеских лошадей и схваток с медведями гризли. Кипп сказал, когда мы расправили её и прикрепили к стене торгового зала:

– Это единственная шкура с белыми пятнами, которую я когда-либо видел. И она чего-то стоит. Во всяком случае, сотню долларов.

Слух о том, что у нас есть бизонья шкура с белыми пятнами, разнесся вверх и вниз по реке. В один из августовских дней, когда Кипп был в форте Бентон, пароход «Красное Облако», направлявшийся в Сент-Луис, пришвартовался у нашего причала, и капитан Вильямс и его пассажиры пришли посмотреть на шкуру.

– Сколько она стоит? – спросил один из них.

– Сто долларов, – ответил я.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, кладя на прилавок две пятидесятидолларовые купюры.

Позже я узнал, что он был из Монреаля, и часто задавался вопросом, был ли он настолько щедр, чтобы подарить её какому-нибудь музею. Когда он забрал её, я начал испытывать большое беспокойство по поводу её продажи. Кипп сказал, что она стоила сто долларов, и мне заплатили за неё эту цену. И все же, возможно, мне не следовало её продавать.

Я был прав в своих опасениях. Когда Кипп вернулся, он остановился в дверях торгового зала, уставился на голую стену и прорычал:

– Где эта пятнистая шкура?

Я кротко ответил, что продал её за сто долларов.

– О Боже, – простонал он. – У меня было какое-то предчувствие, что ты, скорее всего, это сделаешь, поэтому я поспешил вернуться. Чарли Конрад, ты же знаешь, сказал мне, что за эту шкуру я должен выручить не меньше пятисот.

Первый в этом сезоне пароход, возвращавшийся из форта Бентон, высадил скупщиков мехов, которые должны были приобрести наши бизоньи шкуры. Ими стали Чарльз Э. Конрад из компании И.Г.Бейкера, Томас Босье из «Т. С. Пауэр и брат», А. Е. Роджерс из «Бродуотер, Пепин и компания», и Джон Гоуи из бостонской фирмы. Целый день, в течение примерно недели, они сидели в ряд с карандашами и листами бумаги, пересчитывая каждую шкуру, которую мы им показывали, сначала с меховой стороны, затем с изнанки, помечая её как «№ 1» или «№ 2», в зависимости от цвета меха и мягкости выделки кожи. Сделав это, они объявили свои ставки за лот из 4111 шкур. Самой высокой была ставка Джона Гоуи: 7,11 доллара за шкуру. Он вручил Киппу чек на 29 229,21 долларов, и на этом всё. Он также купил нашим оленьи, лосиные, антилопьи, волчьи, бобровые, лисьи и другие шкуры. Я не помню, сколько он за них заплатил. «Бейкер и компания» приобрела у нас больше тысячи копчёных бизоньих языков по сорок центов за штуку. Несколько тысяч фунтов вяленого бизоньего мяса и пеммикана поступили торговцу из агентства Стоящая Скала. Да, у нас была очень успешная зимняя торговля.

На складе мы соорудили пресс для шкур – дощатый ящик размером три на четыре фута. В него укладывали по десять сложенных шкур, которые затем прижимали с помощью рычага и связывали сыромятными ремнями. Это была долгая работа. Потом пароход «Красное Облако» доставил всё купленное ими и Гоуи в Сент-Луис.

Настало лето. На равнине к югу мужчины трех племен охотились только затем, чтобы обеспечить свои семьи мясом и шкурами, а женщины дубили бизоньи шкуры для новых покрытий для вигвамов. Пассажиром одного из первых пароходов, отправлявшихся вниз по реке, был некий миссионер, который, по его словам, взял на себя заботу о духовном благополучии наших язычников. Хотя он давно умер, я не буду называть его имени; называйте его просто «Священный говорун». Кипп, всегда такой щедрый, предложил ему жить у нас и всегда брать то, что ему может понадобиться, из наших запасов; и, поскольку до осени мы не должны были пользоваться нашей коптильней, Кипп отвёл её для него, приведя в порядок и поставив там кровать и всё необходимое. Он мог бы воспользоваться домиком, где мы хранили спиртное, если бы он не сгорел. Не опасаясь более появления судебного пристава Соединенных Штатов, мы теперь хранили спиртные напитки и пиво на нашем складе и сами ими пользовались.

Кипп уехал в форт Бентон и форт Конрад, оставив меня на посту. Где-то в бесплодных землях, мы так и не узнали, где именно, у Джорджа Большого Носа и его банды конокрадов была штаб-квартира, и они пополняли у нас свои запасы. Мы боялись их, не хотели с ними торговать. Я ожидал, что в любую ночь меня разбудят, приставив пистолет к моей груди, и прикажут поживее открыть сейф. Джорджа Большого Носа мы так и не увидели. Он всегда посылал то одного, то другого из своих головорезов за товарами, которые ему были нужны.

Один из членов банды заявился с верховой и выючной лошадей в тот день, когда недалеко от нашего поста стояло множество вигвамов индейцев кри. Это был молодой, спокойный, симпатичный мужчина; аккуратно одетый; вооруженный винчестером и кобурами с шестизарядными револьверами на каждом бедре. Он хотел выпить глоток виски. Я отвел его на склад и налил ему прямо из бочки. Он выпил ещё два так быстро, как только я успел наполнять стакан. Я сложил продукты по его списку, виски и патроны в холщовые мешки, которые он привез с собой, и он привязал их к своей выючной лошади, а затем зашел выпить ещё. Я дал ему выпить, проследил за ним, чтобы увидеть, как он встает и уходит. Когда мы подошли к дверям торгового зала, мимо нас как раз проходили молодой кри и его жена, красивая женщина. Конокрад сказал мне:

– Смотри, как я убью этого проклятого инджуна!

С этими словами он выхватил правый шестизарядник, выстрелил и побежал к своим лошадям. Кри, вскрикнув от боли, упал и скорчился с простреленными почками. Жена с ножом в руке побежала за убийцей, но он уже был в седле и быстро ускакал, ведя за собой свою выючную лошадь. Священный Говорун помог мне отнести раненого мужчину в его вигвам, и там мы сделали для него все, что могли – Священный Говорун помолился за него, а я напоил его виски. Через час он был мертв. Отряд конной пехоты стоял лагерем в нескольких милях от нас. Я послал к его командиру, полковнику Бартлетту, кри с запиской, в которой сообщил ему об убийстве и попросил попытаться выследить и настичь убийцу. Ответ, который я получил, гласил:

– Я не имею никакого отношения к гражданским делам. Если вы хотите, чтобы этого человека арестовали, пошлите в форт Бентон за шерифом Хили.

Об этом, конечно, не могло быть и речи. Однако после того убийства конокрады перестали приходить к нам за припасами, и мы больше никого из них не видели. Если я правильно помню, Джордж Большой Нос позже был повешен где-то в округе Йеллоустоун.

Вдова убитого кри была очень красивой, с совершенными чертами лица и фигурой, её тяжелые косы ниспадали по спине почти до земли. Теперь, когда она была одинока, многие хотели заполнить её, особенно один из наших белых работников, чьё индейское имя было

Длинный Хлыст. Но напрасно он ухаживал за ней, уговаривал её стать его женой. К нашему великому удивлению, она стала спутницей Священного Говоруна.

Кипп вернулся из форта Бентон на пароходе, привезя большой запас товаров, за исключением виски, для нашей следующей зимней торговли. Виски, шестьдесят баррелей, прибыло позже из Сент-Луиса на «Елене». Вскоре после возвращения Киппа у шамана из племени кри было видение. Смысл его был в том, что кри должны были поставить отдельный лагерь и больше не общаться с черноногими и Кровью, чтобы не попасть в беду. Обсудив это, Большой Медведь и его младшие вожди решили, что они переберутся ниже, к устью реки Устричных Раковин, и, если бы мы не послали туда человека с запасом товаров для их удобства, они бы отправились дальше, в страну Перерезающих Горло (ассинибойнов) и к тамошним торговцам. Спорить с ними бесполезно, нам ничего не оставалось, как только смириться.

Мы приготовили товары на сумму около тысячи долларов, палатку, печку и т.д., чтобы отправить их туда на пароходе, и присматривать за этим должен был наш работник, метис, некий Арчи Амиотт. Поскольку мы не вполне ему доверяли, Кипп попросил Священного Говоруна оказать нам большую услугу – сопроводить Арчи и проследить, чтобы он должным образом относился к своим обязанностям и работал исключительно в наших интересах. Священный Говорун не хотел ехать, и мы знали почему: ему ни в коем случае нельзя было показываться на пароходе со своей прекрасной спутницей-кри. Очень неохотно, после множества уговоров, он всё же согласился поехать. Незадолго до отъезда он отвел свою спутницу к нашей старой доброй Женщине-Вороне и велел ей оставаться при ней, пока он не вернется. Ему Женщина-Ворона только кивнула. Мне она потом сказала:

– Я не хочу, чтобы эта кри была в моем доме. Она не годится для общения с моей доброй дочерью.

Женщине-Вороне не пришлось долго беспокоиться о своей подопечной; через неделю после отъезда Священного Говоруна молодая вдова кри стала компаньонкой Длинного Хлыста. Пару недель спустя военный отряд кри, возвращавшийся из набега на табуны Ворон, прибыл к нам, ожидая увидеть, что их племя всё ещё с нами. Они спустились к устью реки Устричных Раковин и там узнали, что вдова стала женой Длинного Хлыста. Следующий пароход, идущий вверх по реке, доставил письмо от Священного Говоруна Длинному Хлысту, в котором он довольно подробно осуждал Длинного Хлыста за то, что тот украл его спутницу. Он подписал свое имя, а затем добавил: «P.S.: Клянусь Небом. Если я узнаю, что это правда, ты раскаешься.»

Шло время. Каким-то образом глава секты Священного Говоруна узнал о проступках Священного Говоруна, которые он допустил, пока жил среди нас. С пароходом, идущим вниз по реке, для него пришло письмо, и мы переслали его дальше. Как мы позже узнали, в нём содержалось требование, чтобы он немедленно вернулся и доложил начальству. Когда прибыл следующий пароход, идущий вверх по реке, я обслуживал покупателей-черноногих. Вбежал Длинный Хлыст, сообщил, что прибыл Священный Говорун, и, зайдя за прилавок, взял там один из наших шестизарядников, которые всегда были наготове, и стал ждать, что же произойдет. Вошёл Священный Говорун; он сердито уставился на Длинного Хлыста, а затем сказал мне:

– Когда я только приехал сюда, я оставил у тебя кошелёк, в котором было сто три доллара. Я хочу их получить.

Я подумал про себя:

– Вот тут-то он меня обыграет.

Я подошёл к сейфу, достал длинный потёртый кошелёк, открыл его и вытряхнул однодолларовые купюры, которые даже не помялись. Один за другим я поднял их, их было сто три, положил их обратно в кошелёк и протянул ему. Не говоря ни слова, он повернулся, чтобы уйти; у двери он обернулся, остановился, посмотрел на Длинного Хлыста и сказал ему:

– Я тебя ещё увижу.

– Да, возможно, я встречу тебя в аду, – ответил Длинный Хлыст.

– Да, говорят, что это подходящее место, – ответил Священный Говорун и с этими словами ушел.

Позже в августе мы столкнулись с неожиданной неудачей, которая помешала нашим радужным перспективам ещё одной крупной зимней торговли. Черноногие и Кровь внезапно решили вернуться в свои канадские резервации, чтобы ежегодно получать по пять долларов на человека, причитающиеся им от правительства этой страны. Они уехали оттуда прошлым летом до того, как наступил срок выплаты, и теперь им должны были выплачивать эти деньги. Кипп долго беседовал с Большими Ногами Вороны и Бегущим Кроликом. Он уговаривал их оставаться там, где они были, среди стад бизонов. Что хорошего в десяти долларах на человека, спросил он. Через несколько дней деньги будут потрачены, и тогда все будут страдать от нехватки еды. Здесь же у них было бы много мяса и шкур, которые они могли бы постоянно продавать.

На что Большие Ноги Вороны печально ответил:

– Вороний Колчан, то, что ты нам сказал, правда. Я не хочу возвращаться на север, как и наш друг, Бегущий Кролик. Но сейчас мы бессильны против наших детей. Всё, о чём они могут думать, – это по десять круглых кусочков для каждого из них. Они нас не слушают. Мы должны уходить.

Они ушли. Ну, с нами всё ещё оставались кри, а также Риэль и его метисы. В любом случае, какие-то шкуры мы бы купили.

Опубликовано в «Грейт Фоллз Трибьюн» 3 ноября 1935 года

Исчезновение стада (1881-1882)

Летом 1881 года, в Кэролле, когда черноногие, Кровь, кри и метисы Луи Риэля стояли лагерем на равнинах, мы с Эли Гуардипи часто пользовались временным затишьем в торговле, чтобы отправиться на охоту. Иногда пешком, по речной долине или в заросших соснами ущельях, охотясь на оленей, и снова верхом на наших хорошо обученных охоте на бизонов лошадях, чтобы насладиться захватывающим бегом стада. Эли (*Исинамакан*, «Несущий ружьё впереди») был таким опытным охотником и метким стрелком, что мне доставляло огромное удовольствие охотиться с ним.

Однажды мы отправились поохотиться на оленей в большой роще ниже нашего торгового поста и шли по пыльной охотничьей тропе, когда заметили трёх оленей, пробиравшихся сквозь заросли, направляясь пересечь тропу впереди нас. Они шли гуськом, и когда один из них выскакивал на открытое место, Эли стрелял в него из своего Винчестера-73. Он сделал три выстрела так быстро, как я только успел сосчитать, в результате чего три мертвых самца лежали в яре или двух один от другого. Вот это стрельба!

Жирного бизоньего мяса и бизоньих языков у нас всегда было вдоволь. Решив, что для разнообразия нам хотелось бы полакомиться жирными ребрышками антилопы, мы отправились поохотиться на равнину к югу от нашего поста. Эли был верхом на маленькой кобыле, а я – на своей быстрой охотничьей лошади. Мы поднимались по параллельным гребням длинных, крутых хребтов долины, планируя собраться на равнине, и я оказался наверху как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эли выезжает верхом из-за поросшего соснами оврага, двигаясь так быстро, как только могла нести его маленькая кобылка; его преследовал огромный медведь гризли. Он отстреливался от него – по-видимому, безрезультатно, и тот длинными быстрыми прыжками настигал его. Я был слишком далеко, чтобы чем-то помочь, всё так или иначе закончилось бы, прежде чем я смог бы добраться до него, но, как бы то ни было, я решил попытаться сделать невозможное; мое сердце трепетало от тревоги за него. О, почему, почему же он не взял хорошую лошадь? Я застонал, увидев огромного медведя, который, не обращая внимания на выстрелы, быстро догонял его – а ведь он всегда так метко стрелял. Не имея прежде подобного опыта, я не понимал, что сделать точный выстрел с быстро бегущей лошади – это нечто невозможное. Я смотрел, как медведь настигает его, и мне было плохо. Я понял, что ещё самое больше три прыжка – и он окажется на спине его коня и растерзает его. И затем, как раз в тот момент, когда медведь делал последний прыжок, он выстрелил снова, и каково же было мое облегчение, когда я увидел, что огромное существо распласталось на траве и лежит неподвижно.

Когда я подъехал к Эли, он слез с лошади, смотрел на свою жертву и задумчиво жевал жвачку.

– Ну и ну! Ты едва уцелел. Я думал, что тебе конец, – выдавил я, заикаясь.

– *Ca! Matsikiwa* (Нет, ерунда), – сказал он на языке черноногих, добавив по-английски: – Я знал, что смогу убить её, когда она приблизится.

Пока мы доставали ножи для разделки шкур, он объяснил, что наткнулся на её детенышей на опушке соснового леса, и они, визжа от испуга, заставили её броситься за ним. Она действительно была огромной медведицей гризли и такой жирной, что мы с большим трудом смогли снять с неё шкуру. Она была слишком тяжёлой и жирной, чтобы мы могли её унести, поэтому на следующий день Эли отправился за ней с упряжкой и повозкой. Вытопив сало, мы получили десять галлонов чистого медвежьего жира, который позже продали аптекарю в Сент-Луисе за 75 долларов.

Однажды сентябрьским днем, когда индейцы торговать не пришли, мы с Эли отправились в рощу ниже нашего поста на поиски оленя. Мы находились на полпути между внешним

краем роши и берегом реки, примерно в тридцати ярдах друг от друга, когда Эли заметил белохвостого оленя и застрелил его. Мы не знали, что в это время стадо из примерно тысячи бизонов находилось на берегу реки, прямо напротив нас, на водопое. Услышав выстрел Эли, они мгновенно развернулись и бросились бежать обратно на равнину. Их громоподобный топот, треск ветвей и ломающиеся ивы предупредили нас об опасности ещё до того, как мы их увидели. Я вскочил на ствол большого, недавно поваленного тополя, который лежал прямо на пути бегущего стада и, бросив винтовку, вскарабкался на несколько футов по одной из его тонких вертикальных ветвей и повис на ней. Я заметил Эли, стоявшего вплотную к дереву, диаметр которого был не больше его самого. А затем, стремительно, подобно коричневому бурлящему потоку, бизоны пронеслись мимо нас, обламывая ветви моего дерева и натываясь на ту, за которую я цеплялся быстро ослабевающей хваткой, когда они перепрыгивали через ствол. Я ожидал, что она сломается, и что я буду растоптан и разорван на куски тысячько копыт. У меня нет слов, чтобы выразить свой испуг. А потом они исчезли так же внезапно, как появились. Когда я, слабый и с головокружением, опустился на ствол дерева, то услышал, как Эли выстрелил, и увидел, как упала молодая корова из хвоста стада.

– Ты в порядке? спросил он, подходя ко мне.

– В порядке, но несколько притомился, – ответил я.

– Боже, мы были на волосок от гибели. Они тёрлись о мои бока. Я каждую минуту ожидал, что меня отбросят от дерева и превратят в кашу. И я беспокоился за тебя, когда ты висел на твоей ветке – думал, ты её сломаешь; удивительно, что этого не случилось, когда они задевали тебя, – сказал он. И добавил: – О, смотри! Смотри! Мы можем видеть реку.

И действительно, бегущее стадо вытоптало ивы и кусты шиповника на своем пути, словно их срубила гигантская коса. В сотне ярдов отчетливо виднелась мерцающая река. Мы подошли к оленю, которого убил Эли, и содрогнулись при мысли о том, что это могло бы стать нашей судьбой; это была бесформенная масса измельченного мяса, костей, шкуры и внутренностей. Мы разделали корову, чтобы забрать её позже, отправились домой и там выпили по большой порции виски и покурили, чтобы успокоить нервы.

С наступлением ноября, когда мех у бизонов был самым лучшим, Кипп отправил Эли поохотиться на них ради шкур, которые позже мы должны были выделывать. Итак, взяв упряжку из четырех лошадей и фургон, трех быстрых охотничьих лошадей, походное снаряжение и повара, Эли отправился на промысел. Несколько недель спустя, когда он разбил лагерь на ручье Армелла, я присоединился к нему на пару дней, чтобы немного развлечься на своей быстрой охотничьей лошади. На следующее утро мы увидели, что большое стадо бизонов пасётся в начале длинного оврага, впадающего в ручей. Мы отправились туда – Эли был верхом на Джерри, охотничьей лошади Киппа, самом быстром, выносливом и натренированном скакуне, которого мы когда-либо знали. Я был верхом на своей лошади, которую назвал Диком. У каждого из нас было по многозарядному карабину Генри 44-го калибра – короткому и лёгкому, из которого легко целиться и стрелять одной рукой – лучшему оружию для охоты на бизонов.

Мы поднимались по оврагу, держась вне поля зрения стада, и, добравшись до его, верха, помчались прямо к ним. Они мгновенно бросились прочь, сбившись в кучу, и мы, выбрав коров, которые нам были нужны – всегда тех, у кого были широкие ляжки, что говорило о том, что они жирные, погнались за ними на своих лошадях. Наши лошади были такими же охотниками, как и мы. Яростно прижав уши, они изо всех сил старались сделать так, чтобы мы оказались слева от коровы, чтобы можно было единственным выстрелом поразить её в сердце. Мы мчались, казалось, со скоростью молнии. Мы прекрасно понимали, что в любой момент наши лошади могут попасть ногой в барсучью нору, и мы упадем, чтобы быть затоптанными насмерть, или же нас может растерзать разъяренный бык. Именно эта опасность, этот постоянный риск делали эту погоню такой захватывающей. О, как же нам все это нравилось – шумный топот тысяч копыт, острый запах растоптанного ими шалфея, меткость нашей стрельбы,

быстрая реакция наших лошадей на наши указания. Всегда всё это заканчивалось слишком быстро. Никогда ещё не было лошади, которая могла бы гнаться за испуганным стадом бизонов больше чем милю. Когда я подстрелил свою шестую корову, мой конь был весь взмыленный, запыхавшийся и мокрый от пота, я остановил его и сел, наблюдая за Эли, который всё ещё ехал на Джерри и часто стрелял. Затем он тоже остановился, повернулся и медленно поехал обратно; и так же медленно я поскакал ему навстречу.

– Сколько? – спросил я.

Усмехнувшись, он ответил:

– Восемнадцать. Восемнадцать коров и восемнадцать выстрелов.

Трудно поверить, но на поросшей желтой травой равнине лежали доказательства. Выбрать, нагнать и убить восемнадцать коров из стада бизонов – это было то, о чём стоило говорить, о чём стоило помнить. Я никогда не слышал, чтобы кто-то мог сравниться с ним в этом достижении.

Племя черноногих называет ручей Армелла *Итнискиотсон-Итулктай*, «Это Их Сокрушило». Как гласит легенда, в давние времена несколько женщин добывали охру у подножия высокого обрыва вдоль берега, как вдруг берег обрушился, похоронив их глубоко под собой – так глубоко, что их тела так и не были найдены. Примерно в десяти милях вверх по течению от устья ручья и примерно в тридцати ярдах к западу от него находится *Истикокуким Муцискум*, «Источник, где трутся спинами» на языке черноногих. Он выходит из глубокого углубления у подножия темной конгломератной породы. В задней части углубления, высотой около двух футов, скала наклонена вверх и наружу под углом около двадцати градусов, и с высоты роста от маленького оленя или антилопы до взрослого бизона, она гладкая и блестящая, как отполированное красное дерево, потому что на протяжении многих веков различные животные терлись о неё спинами. Интереснейшее место. Я посетил его несколько раз во время моей короткой вылазки туда с Гуардипи.

С помощью повара мы потратили почти два дня на то, чтобы снять шкуры с наших двадцати четырех коров и должным образом развесить их для просушки. Это была тяжелая работа. На время это охладило мое желание совершить ещё одну увлекательную погоню.

После того, как Миссури замерзла в начале декабря, Гуардипи охотился к северу от неё, в направлении Малых Скалистых гор, *Махкуи Стакист*, «Волчьих гор» племени черноногих. Однажды, вернувшись на наш пост с повозкой, груженной шкурами бизонов, он упомянул, что нашел в долине Рок-Крик, недалеко от гор, двух мертвых вапити с переплетенными рогами. Я подумал, что эти рога чего-то стоят, поэтому пошёл за ними с Эли, чтобы забрать их и увезти на самодельных санях, запряженных одной лошадью. Как ни странно, мы обнаружили, что волки не тронули мёртвых вапити. Они подрались и сцепились рогами на заросшем травой поле недалеко от ручья. Там они бродили, не имея возможности ни попасться, ни подойти к ближайшему журчащему ручью, чтобы напиться, пока после нескольких дней мучительных страданий не упали от изнеможения и не умерли медленной смертью.

Мы отрезали им головы, тщательно очистили от мозгов и мяса. На нашем посту шестеро работников попытались расцепить рога, но потерпели неудачу. Следующей весной я отправил их вниз по реке моему другу Харту Мерриаму, а он, в свою очередь, подарил их Смитсоновскому институту.

Когда в конце лета 1881 года черноногие и большинство Крови вернулись в свои резервации в Канаде, это серьезно подорвало наши надежды на продолжение крупной зимней торговли. Они ушли из нашей страны бизонов, чтобы получить ежегодные пять долларов на человека, причитающиеся по договору с «бабушкой», королевой. Итак, теперь мы торговали только с тысячью или около того кри Большого Медведя, четырьмя или пятью сотнями метисов Луи Риэля и тридцатью вигвамами Крови. Соблазненные нашей крупной торговлей прошлой зимой, когда мы получили более четырёх тысяч бизоньих шкур, и не подозревающие о том, что

черноногие и Кровь покидают страну, другие торговцы поставили посты рядом с нами. Бродуотер и Пепин, старожилы, в Роки-Пойнте, в нескольких милях вверх по реке, и два новичка, Джим Мэсси и Джим Арш, в Кэрролле, куда они пришли с Гасом Тайлером, к большому его огорчению, как выяснилось впоследствии. А ещё в Кэрролле был Том Бёрнс, который, как правило, с упряжкой из четырех лошадей и фургоном торговал в лагерях индейцев и метисов, а когда был дома, играл в покер. Его жена Сюжетта была красивой молодой метиской, о чём мы расскажем позже.

Мы не знали, определённо не знали, что это будет наша последняя покупка бизоньих шкур. Все оставшиеся стада бизонов находились в пределах 150 миль от Кэролла. На юге белые охотники за шкурами, перешедшие реку Йеллоустон, вдоль которой строилась Северная Тихоокеанская железная дорога, убивали тысячи бизонов из своих мощных винтовок Шарпа. На востоке ассинибойны и другие сиу вносили свою долю. Гро-вантры и пикуни окружали их на севере и западе. У нас было тяжело на душе. Однажды я спросил Киппа:

– Что нам делать, что мы сможем сделать, когда торговля здесь закончится?

– Ха! Возвращайся в форт Конрад и делай что хочешь, – прорычал он.

Как я уже говорил, кри и метисы Ризэля были хорошими охотниками, а их женщины – искусными дубильщицами. И теперь, постоянно подгоняемые Большим Медведем и Ризэлем, они охотились усерднее, чем прежде, дубили больше шкур, чем прежде, чтобы купить побольше винтовок и патронов для предстоящей войны с канадцами за земли, на которые они претендовали. И, как всегда, они смеялись надо мной и Киппом, когда мы пытались убедить их, что они не смогут добиться своего. Но иногда, игнорируя приказы своих вождей, они приходили в лагерь поближе к нам, меняли свои шкуры на *аскити ваубу*, «огненную воду», и устраивали грандиозную пирушку. Что ж, к нашей чести, виски, которое они получали от нас, было хорошим, мы и сами его пили. Странно, что тысячи индейцев, мужчин и женщин, пили, болтали, пели, танцевали у своих вечерних костров и совсем не ссорились. Всю зиму у нас не было с ними никаких проблем, за исключением того, что однажды утром, когда наша добрая Женщина-Ворона стояла на шкуре бизона и готовила её для выделки, мимо прошел пьяный кри, схватил её и ушел с ней. Как раз в этот момент я выскочил из кухни, увидел, что он делает, ударил его изо всех сил, разбил костяшки пальцев, но тот даже не дернулся. Боль в моей руке была такой сильной, что я был бессилен. Кри отпустил Женщину-Ворону, взял тяжелую палку, замахнулся на меня, и мне пришлось отступить, направляясь к двери нашего торгового зала. Кипп, случайно выглянувший из окна, увидел мое бедственное положение и, взяв бутылку пива, направился к выходу; он прошел мимо меня и, когда кри завернул за угол здания, опустил бутылку ему на голову. Тот упал, словно пораженный молнией, но через час или больше поднялся и, пошатываясь, побрёл к своему вигваму, чтобы больше никогда не появляться на нашем посту.

В начале марта мы продали последние из наших одеял, которые пользовались большим спросом у индейцев кри, поэтому Джон Хадсон, крепкий, здоровенный метис от англичанина и кри, отправился на торговый пост «Пауэра и брата» в устье реки Джудит, чтобы попытаться пополнить наши запасы. У каждого из нас была лошадь, сани, ружьё, постельные принадлежности и запас еды, и мы отправились в путь по замерзшей реке, почти не срезая поворотов. Остановившись в Роки-Пойнте, чтобы пропустить глоток-другой с Элом Роджерсом, ответственным за пост Бродуотера и Пепина, в тот вечер мы добрались до Коровьего острова и расположились лагерем в заброшенной хижине довольно претенциозного вида, стоящей на небольшом возвышении в устье Коровьего ручья, *Стаккцике Тактай*, Среднего ручья черноногих, названного так потому, что он впадает в Миссури между горами Медвежьей Лапы и Малыми Скалистыми. Именно здесь в 1877 году индейцы нез-персе, бежавшие в Канаду, убили нескольких белых и захватили караван мулов Джо Пикетта, а фургоны сожгли. Помня об этом, строитель хижины, как мы выяснили, прокопал туннель от погреба, что под кухней, до густых

зарослей кустарника в пятидесяти ярдах оттуда. И, как оказалось, он не использовал его, чтобы убежать, поскольку больше никаких неприятностей с индейцами там не возникало.

В тот день мы встретили несколько небольших стад бизонов в речной долине, но на следующий день не встретили ни одного, даже одинокого быка. Коровий ручей, по-видимому, был их западной границей. Отправившись в путь ранним утром, мы пообедали в заброшенной деревянной хижине, в которой была уникальная самодельная мебель – в частности, лёгкий стул с каркасом из вишни, сиденьем и спинкой обтянутыми свежей бизоньей шкурой, которая высохла, приняв форму тела сидящего. Это было самое удобное кресло, в котором я когда-либо сидел. Много лет спустя, в гостях у моего хорошего друга Чарльза Бакнума в Лос-Анджелесе, я рассказал о той поездке и упомянул этот стул.

– Боже, я же сам смастерил этот стул! – воскликнул он. – Я построил эту хижину, перезимовал там, мне помогали несколько лесорубов, и немного поторговал с пиеганами.

Все старожилы форта Бентон помнят Чарли Бакнума и его добрую жену, сестру братьев Ми, кузнецов тех далеких времен. Владелец большой апельсиновой рощи близ Риверсайда, штат Калифорния, Чарли умер там, кажется, в 1915 году.

Вечером второго дня нашего путешествия мы прибыли в пункт назначения и обнаружили, что управляющий постом Даймонд Р. Браун находится в форте Бентон. Но он и его дочь радушно встретили нас, и мы приятно провели у них три дня до возвращения Брауна. Затем, нагрузив сани тюками с одеялами, мы отправились домой. Даймонд Р. чувствовал себя довольно подавленным. Хотя гро-вантры и пикуни обещали приехать и торговать с ним в течение зимы, ни один индеец из этих племён так и не появился.

И снова, начиная от устья реки Джудит, мы не встретили ни одного бизона, пока, приблизившись к устью Коровьего ручья, не обнаружили их стадо, быстро спускавшееся по долине ручья, намереваясь пересечь реку. Это нас встревожило; мы хорошо знали, что что в это время года бизоны убегают только тогда, когда их пугает их главный враг – человек. Как раз в тот момент, когда они бежали по заснеженному льду реки, мы увидели в полумиле вверх по течению караван индейцев, целое племя, спускавшееся по крутому склону с равнины. Тут мы встревожились, так как подумали, что это могут быть ассинибойны, и, следовательно, нас ждут неприятности. Во время зимы их дурной вождь, Маленькая Гора, и его последователи убили нескольких лесорубов и трапперов на берегах реки. Хадсон сказал:

– Пошли! Вниз по реке так быстро, как только сможем.

– Нет. Слишком поздно. Они заметили нас и на своих охотничьих лошадях смогут скоро догнать. Мы постараемся добраться до той хижины с туннелем раньше них и там держаться, – ответил я.

Держа винтовки наготове и пришпоривая медлительных ездовых лошадей, мы покинули реку и направились к хижине, подпрыгивая на каменистой долине. Несколько всадников покинули караван и быстро приближались; с замиранием сердца мы увидели, что они могут отрезать нас от хижины. Хадсон, ехавший впереди меня, остановил свою лошадь и сказал, когда я подъехал к нему:

– Что ж, если нам суждено умереть, мы умрем, сражаясь.

– Да, – ответил я, и мы залегли за санями, держа винтовки наготове. Индейцы приближались так быстро и их было так много; что я, глядя на их решимость, на то, как они подготавливали своих лошадей, подумал, что скоро нам наступит конец. Итак, когда я взвел курок своего ружья и приготовился поднять его, представьте себе мое удивление, мое облегчение, когда первый всадник крикнул:

– Ха! Апикуни, уноук! Ицикита аном? (Ха! Далекая Белая Шкура⁴, собственной персоной. Что ты здесь делаешь?)

⁴ Значение имени Апикуни спорно. Некоторые (как сам Шульц) переводят его как «Пятнистая Шкура», другие как «Шкура

Это был мой хороший друг-пикуни, Хвост Красной Птицы. Да, и ещё там были Маленькое Перо, Бегущий Журавль и многие другие – все мои хорошие друзья. Мы обменялись новостями. Я сказал, что иду в хижину, чтобы там переночевать.

– Нет! – прорычал Хвост Красной Птицы. – Нет, этого не будет, ты и твой спутник останетесь в моём вигваме.

Мы так и сделали, и провели приятный вечер с ним и другими вождями племени. Некоторые из них зимовали у подножия гор Медвежьей Лапы и у истока Среднего ручья. Бизонов было трудно добыть в достаточном для их нужд количестве. Я предложил им отправиться с нами на реку, туда, где они могли бы хорошо жить. Но нет, они не стали бы поступать так, как их враги, Лжецы (кри), и когда будут с ними сражаться, то будут военным отрядом, состоящим только из воинов, не обременённых своими женщинами и детьми.

Я сказал, что Вороновый Колчан и я точно знаем, что только между Большой рекой и Вапити (Миссури и Йеллоустоуном) сейчас водятся бизоны.

– Ха. Это не так, – воскликнул старый Три Медведя. – Давным-давно этот злой бог, Рыжий Старик, согнал всех бизонов и спрятал их в огромной пещере, чтобы все люди на земле умерли с голоду. Но этот добрый бог, Белый Старик, встретил их, вернул их на равнины, и наши враги, белые люди, теперь спрятали бизонов, чтобы уничтожить нас, заморить голодом. Но Солнце жалеет нас. Солнце могучее. Оно поможет нам найти их.

Вскоре в это поверили все три племени черноногих. В течение нескольких лет после того, как бизоны были истреблены, шаманы горячо молились богу, чтобы он помог им найти и освободить спрятанные стада.

Мы расстались с нашими друзьями ранним утром; моими последними словами, обращёнными к ним, были слова о том, что с прибытием огненных лодок мы с Вороновым Колчаном вернёмся в наш дом на Медвежьей реке и останемся там навсегда, потому что не будем больше торговать бизоньими шкурами.

Немного ниже устья Коровьего ручья мы увидели одинокого телёнка, почти годовалого, стоявшего в лесу, и я выстрелил в него. Его мех был таким тёмным, похожим на мех бобра, что я попросил Хадсона помочь мне осторожно снять шкуру, вместе с рогами, копытами и всем остальным. Это оказался самый последний убитый мной бизон. Несколько месяцев спустя добрая Женщина-Ворона тщательно выделала шкуру, и ещё позже я подарил её Смитсовскому институту.

Пятидесяти одеял, которые мы привезли с реки Джудит, не хватило и на три дня, поскольку торговля шла хорошо. Мы получали много шкур как от кри, так и от метисов, а также много вяленого мяса и пеммикана. Как хорошо сказал Кипп, наша последняя зимняя торговля прошла не впустую.

В августе, в поисках работы, к нам пришел с железнодорожной станции на Йеллоустоне, пешком, молодой человек, огромный мужчина, который в дни моей юности был моим гидом в горах Адирондак у Нью-Йорка. Хотя в нём не было необходимости, Кипп сделал его нашим помощником в торговом зале и на складе, и индейцы, из-за его огромных размеров и силы, сразу же прозвали его *Мариски Стамик*, Молодой Бизон. Что ж, Молодой Бизон был отличным дамским угодником, и в своё время он и юная красotka Сьюзи, жена Тома Бёрнса, стали близкими друзьями и часто проводили время вместе, когда Том был в отъезде, занимаясь торговлей в лагере.

Однажды вечером, вскоре после того, как я вернулся с Джудит, Бёрнса не было дома, и Молодой Бизон отправился в свою комнату, чтобы посидеть со Сьюзи. Они выпили по паре глотков, перекусили и уютно устроились у камина, когда около одиннадцати часов услышали,

Со Струпьями» – имеется в виду состояние шкуры во время линьки.

как Бёрнс подкатил к двери свою повозку, запряженную четверкой лошадей. Сьюзи прошептала:

- О, он приехал. Он сказал, что убьёт нас, если застанет вместе.
- Тогда я убегу, – предложил Молодой Бизон.
- Нет, тогда он все равно убьёт меня. Спрячься под мою кровать.
- О, нет.
- Но, да! Быстрее, или мы умрём.

Он забрался под кровать и замер. Сьюзи торопливо скомкала постельное бельё и подушку, стащила с себя платье, подошла к двери, открыла её и сонно сказала Тому, распрягавшему лошадей.

- А-а. Ты приехал. Ты меня разбудил.
- Да, и не ложись спать. Принеси мне что-нибудь поесть. Я голодный, – ответил Том.

Вскоре он вошел, с недовольным видом уставился на Сьюзи и проворчал: – Ха-ха. Подумал было, что найду у тебя Молодого Бизона. Удивительно, что этого не случилось.

– Ты, зачем ты так говоришь? Я, я не имею с ним никаких дел. Я его не видела, – сердито ответила Сьюзи.

Том сказал:

– Ха! Женщина, тебе нет смысла мне врать. Я слишком хорошо тебя знаю. Однажды я застану тебя с ним, и тогда...! Ну же, поторопись с едой. Я очень голодный.

Том поел, покурил. Сьюзи вымыла посуду. Они легли спать. Молодой Бизон лежал под ними неподвижно, едва дыша, час за часом; он постоянно беспокоился, гадая, чем всё это закончится. У него не было оружия. Сьюзи говорила ему, что Том всегда ложился спать с шестизарядным револьвером под подушкой. Так что, вероятно, Том обнаружит его и убьёт.

Что ж, Том вставал поздно; было уже больше восьми часов, когда он встал, оделся и отправился искать своих лошадей, а бдительная, осторожная Сьюзи выгнала Молодого Бизона из хижины.

В своей постели он не спал, и не появился к завтраку; мы беспокоились о нем, когда он пришел, сонный и смущенно улыбающийся.

- Где ты был? – спросил Кипп.

Детально, со всеми подробностями, он рассказал нам о своих ночных приключениях, и как же мы смеялись.

Ну что же, пришла весна, появились пароходы, снующие вверх по течению, появились мехоторговцы, и снова Джон Гоуи из Бостона предложил самую высокую цену за наши шкуры – 2130 хорошо выделанных шкур бизона по 7,35 доллара за штуку. Чарли Конрад купил у нас тонны вяленого мяса и пеммикана, а также несколько тысяч шкур вапити, оленей и антилоп за... забыл уже, сколько он заплатил. Прошло несколько недель после того, как покупатели уехали, и, оставив Долговязого Джона Форги присматривать за постом, мы все отправились в форт Бентон: Кипп и я на «Елене», остальные с запряжённым быками караваном и упряжкой из четырех лошадей – по длинной тропе. Никто из нас не испытывал радости. Мы хорошо понимали, что времена бизонов закончились.

Опубликовано в «Грейт Фоллз Трибьюн» 10 декабря 1935 года

Глава третья

Бизонов больше нет

Неуязвимый Телячья Рубашка (1882-83)

В июле 1882 года мы покинули наш торговый пост в Кэрролле на реке Миссури и вернулись в наш родной пост, форт Конрад, там, где торговая дорога из форта Бентон в форт МакЛеод пересекала реку Мариас. Стада бизонов были практически истреблены, и мы были глубоко опечалены их исчезновением. Навсегда закончилась захватывающая и прибыльная торговля с индейцами их шкурами и другими мехами.

В то время в Форте Конрад находились Джозеф Кипп, его владелец; его жена; Уильям и Мэгги Фитцпатрик; Красноглазый, Ходящий С Погремушками; Хайрам Д. Апхэм с женой и дочерью Розой; мама Киппа, Земная Женщина и её старая подруга и товарка, Женщина-Ворона; Эли Гуардипи и его жена, Женщина-Флаг, приемная дочь Женщины-Вороны; моя жена, Женщина Красивый Щит, и все жёны мужчин были пиеганками или черноногими. Однако в Канаде существовало племя с таким же названием, которое, хотя и говорило на том же языке и часто вступало в смешанные браки с пикуни, не входило в конфедерацию черноногих.

Поскольку охотиться на бизонов больше было нельзя, пикуни теперь разбили лагерь вокруг своего агентства на Барсучьем ручье, в пятидесяти милях к западу от нас, и жили охотой на оленей, вапити и антилоп в окрестностях. Несколько их вигвамов, близкие друзья и родственники, пришли, чтобы разбить лагерь неподалеку от нас и поохотиться. Они сообщили, что дичи становится все меньше, и поинтересовались, что будут делать люди, когда она будет истреблена.

Все припасы для форта МакЛеод доставлялись из форта Бентон на фургонах, запряженных быками, мулами и четверками лошадей. Летом на дороге было большое движение, поэтому наш магазин, бар, столовая и спальни имели всё необходимое. У нас было почтовое отделение, почта курсировала между фортом Бентон и фортом МакЛеод каждые две недели. В Альберте было очень сухо. Каждый раз, когда почта отправлялась на север, по особой договоренности, я клал в почтовый мешок два галлона виски в бочонках – один для полковника МакЛеода, другой для капитана Виндзора. Патрули Северо-западной конной полиции не могли прикасаться к этим мешкам. Почтмейстер форта тайком передавал бочонки офицерам. Они оба часто ездили в форт Бентон, и всегда останавливались у нас на ночь. Это были люди широких взглядов и культуры. Было приятно с ними пообщаться. Полковник МакЛеод очень интересовался историей провинции Альберта, как её позже назвали. Однажды вечером он попросил Киппа рассказать ему, почему он назвал торговый пост, который построил на реке Живота, форт Противостояние.

Тогда Кипп рассказал историю, которую я слышал много раз.

– Ну, вот как это было, – начал он. – Мы с моим партнёром Чарли Томасом решили построить пост на реке Живота и торговать с племенем Кровь, продавая им спиртное, в основном за бизоньи шкуры и разные меха. Но в форте Бентон, Соединенные Штаты, маршал Чарльз Хард внимательно следил за нами, чтобы мы не рискнули погрузить ничего жидкого и отправиться на север. Итак, однажды утром на рассвете я вышел из города, и когда подошел дилижанс, сел в него и поехал в Хелену. Туда я привез сто галлонов крепчайшего спиртного, двадцать жестяных канистр от Клейнштадта, который ночью доставил его для меня в ближайшее место на Миссури. Там, использовав много верёвок и много плавника, сухих бревен нужного размера, я соорудил плот, уложил на него канистры со спиртным, оттолкнулся от берега и поплыл по течению, время от времени отталкиваясь шестом, чтобы удержать плот подальше

от берегов и песчаных отмелей. Два дня спустя я высадился в устье Солнечной реки, где меня ждал Чарли Томас с упряжкой из четырех лошадей и фургоном. Две другие наши упряжки из четырёх лошадей и фургоны, груженные продуктами и различными товарами для торговли, управляемые Политтом Пепионом и Джо Говардом, уже находились на пути из форта Бентон к реке Живота.

Мы загрузили фургон спиртным и двинулись на север по индейской тропе, которая шла параллельно подножию гор. Три дня спустя мы достигли хребта Молочной Реки, водораздела между рекой Миссури и водами, текущими к Гудзонову заливу, и, оглянувшись, я увидел, как нас быстро нагоняет всадник. Я узнал его: это был маршал Соединенных Штатов Америки Хард. Как он узнал о нашем плане обойти его, мы так и не узнали. Мы продолжали спускаться по склону к реке Святой Марии. Он поравнялся с нами, жестом велел остановиться и сказал:

– Ну что ж, ребята, у вас тут неплохая партия спиртного. Я вас арестовываю. Разворачивайтесь и направляйтесь в форт Бентон.

– Вы не можете нас арестовать. Мы в Канаде, – ответил я.

– Никакой Канады. Это территория Монтана. Развернитесь и езжайте обратно! – крикнул он.

Между мной и Томасом, прислоненные к сиденью фургона, лежали наши винчестеры. Мы схватили их, и я сказал Харду:

– Вот этот хребет Молочной Реки у нас за спиной и есть граница. Все так говорят. В любом случае, мы считаем, что это так. Хард, и мы, естественно, не станем тебе подчиняться.

Он не вытащил свой шестизарядный револьвер; он прекрасно знал, что у нас есть кое-что получше. Он все смотрел и смотрел на нас, пока, наконец, не сказал:

– Когда вы вернетесь в форт Бентон, а это обязательно случится, я вас арестую и отправлю за решётку на долгий срок!

С этими словами он повернулся и уехал. Мы отправились дальше, к реке Живота, построили свой пост и не без оснований назвали его форт Противостояние. В 1873 году, когда была проведена граница, мы обнаружили, что там, где нас настиг Хард, мы были в нескольких милях к югу от неё. Весной, когда мы вернулись в форт Бентон, Хард не пытался нас арестовать. Судья Сандерс в Хелене сказал ему, что у него нет доказательств того, что мы были в Монтане, там, где он нас нагнал.

– У вас была хорошая торговля в вашем форте Противостояние? – спросил капитан Виндзор.

– Довольно приличная, учитывая, что в округе были и другие торговцы – в Хили и Гамильтоне, в форте Хуп-Ап, не считая бродячих торговцев. Мы купили тысячу семьсот бизоньих шкур и кое-какие мелочи у Крови и северных пиеганов.

– А потом вы построили форт Кипп в горах у реки Старика? Я слышал, что вы убили там великого вождя Крови по имени Телячья Рубашка. Расскажите нам об этом, – попросил полковник МакЛауд.

– Мы с Томасом построили этот форт в начале 1872 года, – ответил Кипп и замолчал; я хорошо знал, что он не любит рассказывать об убийстве Телячьей Рубашки. Но наши гости были настойчивы, и он, наконец, начал:

– Телячья Рубашка был человеком вспыльчивого нрава. Без всякой причины он убил одну из своих жён и четверых мужчин из своего племени. Он часто говорил своим жёнам, что у него есть могущественная магия, что Солнце очень благоволит ему.

Он говорил им, что если случится так, что его убьют, они должны будут петь определенные песни, возносить определенные молитвы над его телом в течение трёх дней, и он вернётся к жизни, будет таким же здоровым, как обычно.

Однажды декабрьским утром Чарли Томас, Даймонд Р.Браун, Дик Берри, Сол Эббот, Генри Пауэлл и Джефф Деверо играли в покер в нашей кухне-столовой, а я был один в торговом

зале, расставляя товары на полках за прилавком. Я услышал, как открылась дверь, увидел, как входит Телячья Рубашка, с виду спокойный. Я продолжил свою работу, когда он вдруг крикнул мне:

– Вороновый Колчан, дай мне бочонок виски, иначе я тебя убью.

Я резко обернулся. Он наставил на меня большой капсюльный пистолет; курок взведен, и на нём поблескивал капсюль. Я отскочил вправо и потянулся за шестизарядным револьвером, лежавшем на полке под прилавком. Он выстрелил в меня, промахнулся и убежал.

Я выстрелил в него, когда он выходил, и, кажется, моя пуля попала ему в левое плечо. Услышав выстрелы, игроки в покер выбежали на улицу и открыли огонь по нему, когда он бежал к воротам в ограде. Он замедлил шаг, пошатнулся и упал в яму, которую выкопали, когда нам была нужна земля для засыпки крыши форта. Мы вытащили его оттуда, мёртвого, осмотрели и обнаружили в его теле шестнадцать пулевых ранений. Мы отнесли тело к реке, бросили в прорубь, и оно исчезло. Как ни странно, он вынырнул из промоины ниже по течению, и несколько женщин, собиравших дрова, увидели его и побежали рассказать о своей находке. Жёны Телячьей Рубашки вытащили его тело из воды, отнесли в свой вигвам и попросили разных шаманов помочь им петь и молиться над ним в течение трёх дней и таким образом вернуть его к жизни. Все отказались; по их словам, они не хотели, чтобы Телячья Рубашка ожил и убил ещё больше своих людей. Жёны, опасаясь поступить иначе, молились и пели над телом положенное время, а затем, несомненно, с большим облегчением похоронили его⁵.

– Что ж, вы избавили нас от необходимости повесить его, когда мы пришли в эту страну, – сказал полковник МакЛеод.

Опубликовано в «Грейт Фоллз трибьюн» 11 ноября 1936 года

⁵ Телячья Рубашка, как представитель племени Кровь, подписал «Договор Стивенса» 17 октября 1855 года у устья реки Джудит. Договор был ратифицирован сенатом 11 апреля 1856 года.

Пикетт получает жену (1883)

После долгих лет увлекательной торговли с индейцами бизоньими шкурами и мехами жизнь в форте Конрад показалась нам очень скучной. Поздней осенью 1882 года Джозеф Пикетт со своей упряжкой быков и погонщиками приехал к нам перезимовать.

С наступлением зимы поездки почти прекратились, не считая почтовых рейсов между фортами Бентон и МакЛеод, которые происходили дважды в месяц. В то время на реке Мариас было мало поселенцев: только Моус Соломан, там, где она впадает в Миссури, скотоводческое ранчо И.Г. Бейкера и компании; Дик Берри, бригадир, жил севернее, ближе к форту Бентон; Брайан Осборн и его жена из племени пикуни, в семи милях ниже нас; мы сами; Сол Эббот и Генри Пауэлл со своими семействами пикуни, в Уиллоус-Раунд, в двенадцати милях выше нас.

Однажды декабрьским днём Осборн пришел со своей женой кое-что купить, и Пикетт, увидев эту женщину, заметил в присутствии своих работников:

– Какая она красивая, аккуратная и чистоплотная. Хотел бы я иметь такую женщину.

Больше о ней ничего не было сказано, но неделю спустя или около того один из погонщиков быков, по имени Нолан, приехал к дому Осборна, убил его, привёл его рыдающую, охваченную горем жену и сказал Пикетту:

– Ты сказал, что тебе нужна такая женщина, как она; что ж, вот она сама. Я привёл её для тебя; пришлось убить её старика, чтобы забрать её.

Пикетт, все мы были поражены жестоким поступком сумасшедшего негодяя. Мы обругали его, сказали, что отвезем в форт Бентон и передадим шерифу Хили. В ту же ночь он украл у Пикетта седло и лошадь, и, поскольку на земле не было снега, мы не смогли выследить его. С тех пор мы о нём ничего не слышали. Мать Киппа, Земная Женщина и Женщина-Ворона, жалилась над безутешной вдовой и продержали её у себя месяц или больше, пока она не сошлась с Пикеттом. Несколько лет спустя он продал свой караван быков и вместе с ней поселился в резервации Ворон. Мне говорили, что некоторые из их потомков – преуспевающие владельцы ранчо в тех краях.

Наступила весна 1883 года, и на дороге снова появилось много людей. В апреле, в пору молодой травы, несколько вигвамов наших друзей и родственников-пикуни вернулись, чтобы провести лето рядом с нами и поохотиться на оленей и антилоп. Они сообщили, что у их агента, *Ахси Тани* («Молодой Человек», майор Янг), не было еды для них, и что они начали голодать, убив почти всю дичь в горах. Кроме того, табуны их лошадей были заражены кожной болезнью, чем-то вроде оспы, из-за которой у них выпадала шерсть.

У нас был табун из примерно 150 лошадей, пасущийся на другом берегу реки, неподалеку от форта. Наши друзья-индейцы днем пасли свои небольшие табуны на Сухой Вилке, у реки Мариас, а по ночам, опасаясь военных отрядов, держали их в нашем большом загоне. Сухая Вилка впадает в реку в нижней части большой долины, прямо под фортом. Однажды вечером в мае Кипп внезапно решил отправиться в форт Бентон на следующее утро и послал своих молодых шуринов привести из табуна четырёх лошадей для упряжки, поскольку хотел отправиться пораньше. Он вернулся в сумерках, очень взволнованные, и сообщили, что военный отряд угнал табун и ушёл с ним на север; их след был хорошо виден на молодой траве равнины. Эта новость взволновала наших друзей, разбивших лагерь неподалеку от нас. Маленький Пёс, Маленькое Перо, Древний Человек, Хвостовые Перья Переходящие Холм, Вождь Медведей и близкий друг Киппа Джек Миллер, который навестил его. Все они были храбрыми мужчинами, героями многих сражений с вражескими отрядами. Напевая, надевая военные наряды, подбадриваемые молящимися за них женщинами, они приготовились отправиться в погоню за ворами.

Распевая военную песню, наши друзья перешли реку вброд и растворились в лунной ночи. Мы беспокоились за них, спали очень мало и рано встали, ожидая их прихода. По мере того как проходил час за часом, а их не было видно, мы замолкли, не осмеливаясь говорить о своих опасениях. Ближе к вечеру жена Маленького Пера, сидевшая рядом с ним, старшая из трёх сестёр, на которых он был женат, дала клятву Солнцу: громко, перед всеми нами, она поклялась Вышнему, что, если оно вернет её мужа живым и здоровым, то она в наступающую луну Спелых Ягод (июль) построит священную хижину в его честь. Едва она закончила, как мы увидели, что приближаются наши воины, которые быстро направили наших лошадей к броду через реку. А затем, распевая победную песню, они приблизились к нам; Древний Человек размахивал окровавленной человеческой рукой, привязанной к концу палки, остальные показывали вражеские скальпы и оружие. Их женщины выбежали навстречу и обняли их, громко и многократно выкрикивая их имена, говоря, что они храбрые, что они заставили врагов плакать.

Затем Древний Человек бросил отрубленную руку кри на землю, а женщины и дети со злобой схватили палки и принялись колотить по ней, предавая проклятиям, насколько это было возможно, на их языке, в котором на самом деле катастрофически не хватало ругательства; «ты, сучья морда» было едва ли не самым сильным из них.

Мы увидели, что голова Хвостовых Перьев, Переваливающих Через Холм, была забинтована и окровавлена, что левая нога Джека Твиллера была в таком же состоянии и что он ехал на одной из наших лошадей; и вскоре мы узнали историю их ночного приключения.

Они заметили военный отряд, семерых человек, вскоре после того, как перевалили через хребет Скалистого Ручья, примерно в тридцати милях к северу от нас; враги, обнаружив, что их преследуют, укрылись в глубокой ложине и открыли огонь, когда наш отряд показался на её краю; пуля сорвала кожу с головы Хвостовые Перья, Переваливающие Через Холм, и тот без чувств упал с лошади. Джек Миллер был ранен в ногу, а его лошадь убита. Тогда остальные члены нашего отряда спешили и, быстро открыв огонь по кри, ясно видимых в лунном свете, в мгновение ока перебили их всех. Они увидели, что Хвостовые Перья, Переваливающие Через Холм, неподвижно лежит на земле, из его головы течет кровь, и подумали, что он мёртв. Но вскоре он пришёл в себя, и чуть позже, когда смог ехать верхом, они отправились домой.

Опубликовано в «Грейт Фоллз трибьюн» 11 ноября 1936 года

Я убиваю своего первого горного козла (1883)

С тех пор как я приехал в эту страну, я много слышал о двух больших красивых озерах, которые белые называли озёрами Горы Вождь, а черноногие – *Пишктомукси Кимикс*, Внутренние озёра. Тогда мы ещё не знали, что в 1846 году отец Лакомб, при помощи своего верного проводника Хью Монро, установил крест у нижней части нижнего из этих озёр и с молитвой окрестил их озёрами Святой Марии.

Я вспомнил, как Джон Хили заметил, что на окружающих их высоких горах обитает множество горных козлов. Это меня заинтриговало. Мне не терпелось побывать на озерах, особенно чтобы узнать, действительно ли животные, описанные Хили, могут быть горными козлами – животными, которые, как я всегда полагал, водятся только в Альпах.

В октябре 1883 года мне представилась такая возможность. Однажды в форт приехали наши друзья Сол Эббот и Генри Полуэлл и объявили, что Чарли Феммистер, Джим Резерфорд и Оливер Сандовал, сотрудники индейского агента майора Янга и Чарльз Картер, траппер, собирались на охоту к озёрам Горы Вождя, не хотел бы я присоединиться к ним? Ха! Хотел ли я! Я положил свою винтовку, дробовик и постельные принадлежности в их фургон, и с большим запасом провизии мы отправились вверх по реке. Мы заехали за Чарльзом Картером на ранчо Эббота, а на следующий день подъехали к агентству, остановились в домике друга-индейца и отправили его уведомить Феммистера, Резерфорда и Сандовала, что мы прибыли. (Агент по делам индейцев майор Янг не допускал в резервацию никого из белых, кроме своих служащих; он заявил, что арестует любого белого нарушителя границы, предаст их суду и оштрафует в суде Соединенных Штатов в Хелене. Причину этого мы узнали позже.)

У нашего друга-индейца и его семьи, у которых мы ненадолго остановились, в вигваме было только немного муки и немного сушеной ирги. Он сказал, что дичи стало так мало, что охотникам часто приходится тратить дни на то, чтобы убить оленя или антилопу, и хуже того – многие из них израсходовали все свои патроны, и у них не было мехов или шкур, за которые они могли бы пополнить их запас у торговца в агентстве. Мы дали ему десять долларов, и, счастливо улыбаясь, искренне благодарный, он и его жены поспешили в лавку торговца, чтобы купить бобы, бекон, соду, сахар и чай – продукты, без которых, по их словам, они не могли прожить после истребления бизонов. Вечером несколько влиятельных людей из племени пришли навестить меня, покурить и рассказать о том, как они нуждались в пище. Их состояние беспокоило меня. Тем не менее, тогда я не понимал, как понял позже, насколько серьезным это было для племени, иначе, несомненно, я мог бы помочь спасти многих из тех, кому предстояло умереть от голода в ближайшие несколько месяцев.

Рано утром следующего дня, обойдя агентство, мы выехали на большую индейскую тропу, идущую параллельно горам; к нам присоединилась группа из наших трёх друзей с фургоном, и мы повернули на север, в новую для меня местность. Впервые я увидел Скалистые горы так близко. Я не мог оторвать от них глаз – они поднимались так резко, так высоко возносились над равниной. Я спросил, есть ли у них названия. Нет, только у той, что дальше, которую видно впереди; она выделяется как бы перед другими, её восточная сторона представляет собой почти отвесный утёс. Это была *Тина Истакви*, Гора-Вождь, как называли её черноногие, сказал мне Эббот. Я подумал, что никогда ещё у горы не было более подходящего имени.

В полдень мы свернули в красивую, поросшую густым лесом долину ручья Срезанных Берегов и немного отдохнули у ручья. Я заметил, что его глубокие, прозрачные пруды изобиловали форелью – многие из этих рыбин были довольно крупными. Наш друг Оливер Сандоваль, или *Иношум* (Выглядит Пушистым), был сыном известного испанского работника старой Американской Меховой компании и женщины пикуни. Из всех нас он единственный когда-либо бывал на озерах Горы-Вождь и знал о том, как добраться до нижнего их них на повозках.

Покинув ручей Срезанных Берегов и следуя за ним по пятам, мы пересекли южную, а затем среднюю развилку Молочной реки, *Кинак Сисакта* (Маленькая речка), а затем свернули на ответвление тропы, ведущее на северо-запад, и поднялись на высокий крутой хребет, разделяющий воды, текущие к Миссури и к Гудзонову заливу. Перейдя этот водораздел, мы вскоре разбили лагерь у большого озера на краю долины горных озер Горы-Вождь, которое черноногие называют *Ахкайнас Куона Итактай* (Много Вождей Собралось).

Вечер был облачный, дул сильный западный ветер; бесчисленные стаи уток проносились над нами. Я достал из фургона ружье и несколько патронов, выбежал на длинный узкий мыс, выступающий в озеро, и начал стрелять по их стаям. Они появлялись и исчезали на западной стороне озера, и ветер относил тех, кого я убивал, к берегу. Вскоре я вернулся в лагерь с десятком уток – все они были нырками или красноголовыми, самыми лучшими и вкусными из всех видов уток, которых мы ели. Мы быстро ошпидали их, и Картер положил шесть тушек в нашу большую кастрюлю, предварительно разогретую на огне, и, несмотря на мои протесты, залил несколькими чашками воды; я настаивал на том, что их следует запечь, он же настаивал на том, что лучше всего они получаются тушеными. Уже стемнело, когда мы собрались их съесть. Они были достаточно нежными, но, на мой взгляд, безвкусными. Картер сказал, что суп был великолепен, только я от него отказался. Когда трапеза закончилась, и посуда была вымыта, мы отправились спать.

Вскоре после полуночи мои спутники начали жаловаться на сильные боли в животе и часто ходили в кусты. Наступило утро, и все чувствовали себя слабыми и нездоровыми. Осмотрев кастрюлю, мы поняли, что вкусный утиный бульон, который они поглощали, чашку за чашкой, состоял почти исключительно из утиного жира. Прямо там и тогда я дал озеру то название, которое оно носит сегодня: Утиное озеро.

Рано утром мы отправились с озера и, всё ещё следуя по индейской тропе, вскоре увидели пейзаж, столь потрясающий и прекрасный, что мне показалось, я мог бы любоваться им вечно. Прямо перед нами находилось одно из двух озер, расположенное пониже, а прямо над ним – другое, более длинное, у берегов которого величественные горы вздымались на огромную высоту. Неудивительно, что черноногие называли их Внутренними озёрами. При всем уважении к памяти отца Лакомба, я думаю, что название, которое он им дал, совершенно им не подходит. Многие из тысяч индейцев и, в частности, старший инспектор национального парка Глейсир Т. Скойен надеются, что в скором времени они вернут себе имя, данное им черноногими⁶.

Мы были первыми путешественниками на этом ответвлении великой горной тропы, идущей с севера на юг. Спускаясь по ней, мы были вынуждены то тут, то там вырубать растущие на ней дрожащие осины и молодые сосны и расчистить несколько узких заболоченных ручьев, чтобы переправиться с повозками. Продвигаясь таким образом, мы в полдень подошли к подножию нижнего озера, свернули вдоль него на протоптанную тропу и разбили лагерь на первой из выступающих точек над выходом. В тот день мы не охотились, но за несколько минут поймали в первой же заводи реки достаточно форели, чтобы нам шестерым хватило её на ужин и завтрак. К моему удивлению, их было три разновидности: макино, местная и ещё одна, которую я тогда не смог определить – позднее я узнал, что это была Долли Варден.

Мы пожалели, что не взяли с собой верховых лошадей, на которых можно было бы исследовать окрестности и охотиться. Вместо этого на следующее утро мы с упряжкой переправились через реку вброд в нескольких сотнях ярдов ниже озера. Затем мы привязали лошадей и отправились к длинной горе с плоской и голой вершиной к западу от озера, северная оконечность которой представляла собой почти отвесный утёс огромной высоты. Мы поднялись на крутой, поросший густым лесом гребень, поднимающийся к горе, и, не привыкшие к пешим прогулкам и крутым подъёмам, вскоре устали настолько, что, когда добрались до границы леса,

⁶ Эта надежда не оправдалась: до сих пор на современных картах они значатся озёрами Святой Марии

у нас не возникло желания совершать ещё более крутой подъем по осыпям и камням на вершину горы. Наш друг Сандоваль сказал, что он слышал от индейцев кутенаи о лизунце под северным утёсом горы, которым часто пользовались множество разных животных; поэтому, хорошо отдохнув, мы отправились на его поиски, двигаясь медленно и осторожно, прямо по краю леса и постоянно осматривая длинный крутой склон в поисках какой-нибудь дичи. Итак, продвигаясь до тех пор, пока восточный край утёса не оказался прямо над нами, мы обнаружили дальше стадо толсторогов – самок и молодняка, которые, выйдя из леса, удалялись от нас вверх по голому склону, где мы из своих ружей подстрелить их не могли. Они мне в новинку не были. Я видел сотни таких на скалах в дурных землях вдоль Миссури и даже убил нескольких. Больше всего мне хотелось увидеть горных козлов Джона Хили.

Там, где толстороги оставили лес, мы обнаружили лизунца. Он находился в неглубоком широком ущелье – слой илистой, сильно щелочной грязи, по которому текла струйка воды, тоже, как мы выяснили, очень щелочной и сернистой. Края лизунца были сильно утоптаны копытами его завсегдатаев и покрыты их пометом; здесь побывали толстороги, лоси, олени и, как мы надеялись, горные козлы. Эббот сказал:

– Все, что нам нужно сделать, чтобы добыть некоторых из них – это расположиться прямо здесь, на опушке леса, и ждать, когда они придут.

Остальные были за то, чтобы пройти мимо утёса и обогнуть гору сзади. Они оставили нас, и мы устроились поудобнее, чтобы, при необходимости, ещё долго ждать появления дичи. Но боги нам благоволили. Через час на виду появилось несколько белых животных, шедших гуськом по сланцу к востоку от утёса, следуя по тропе, которая вела к лизунцу прямо перед нами.

– Ха! Горные козлы. Идут прямо к лизунцу. Мы поступили умно, оставшись здесь, вместо того чтобы бегать за ними, – заметил Эббот.

– Мы хорошенько присмотримся к ним, посмотрим, что они будут делать, прежде чем стрелять, – сказал я.

Тропа, по которой они шли, резко сворачивала вниз, чтобы обойти большой валун, лежащий на глинистой почве, примерно в сотне ярдов от нас; когда они свернули, мы их хорошо разглядели. Как и у бизонов, у них были горбатые спины, низкие задние ноги, бороды на подбородке и длинные волнистые полосы шерсти, спускающиеся до колен передних ног, напоминающие развевающиеся на ветру девичьи панталоны. Но на этом их сходство с бизонами заканчивалось, потому что головы у них были длинные и узкие, морды – круглые, как тарелки, с печальным, глуповатым выражением. заостренные рога, загнутые вверх и назад, которые в бою могли бы послужить им в качестве смертоносных ятаганов.

Семерка приближалась, медленно, но верно, и когда они подошли к лизунцу, ближайший из них был не более чем в двадцати ярдах от нас. Но это не имело значения, так как ветер дул в нашу сторону. Они все напились из маленького ручейка, бегущего по центру углубления, затем оказались на участке, где белая грязь была примерно такой же консистенции, как полутвердая замазка, и, к нашему великому удивлению, они откусывали от неё целые куски, тщательно пережевывали и проглатывали. Затем, когда один за другим они отошли от лизунца, облизнулись и встали, глядя в разные стороны, Эббот подтолкнул меня локтем; и тихо, укрывшись за густыми кустами, в которых мы сидели, мы подняли винтовки, прицелились, и каждый выстрелил по разу, убив по одному из этих семерых. Остальные, вместо того чтобы убежать, просто подпрыгнули и стояли, бессмысленно глядя на своих дёргающихся, умирающих товарищей, пока мы не поднялись и не направились к ним; затем длинными, быстрыми прыжками они сбежали с тропы и вскоре скрылись из виду.

Прежде чем снять с них шкуру, мы тщательно осмотрели нашу добычу; это были взрослые самцы, каждый из которых весил около 250 фунтов. Мы отметили, что для своего размера они были необычайно массивными; что от них исходил сильный запах мускуса; что под

их длинными жесткими волосами и рядом с кожей виднелась короткая поросль очень тонкой шерсти; у основания их рогов были черные, эластичные, похожие на бородавки наросты, от которых сильно пахло мускусом.

– Что ж, Эббот, – сказал я, пока мы точили наши ножи для снятия шкур, – я читал описания горных козлов, видел их изображения, поэтому я знаю, что наши животные не относятся к этому виду; совсем на них не похожи, за исключением того, что у обоих видов по четыре ноги, раздвоенные копыта, и оба являются жвачными животными.

– Ха! Я могу сказать тебе, что это такое, – сказал он. – Это разновидность козлов; телосложением они очень похожи на тех, которых я видел, когда был маленьким, в Миссури. Правда, рога у них были слегка загнутые, но на подбородке росли борода, а мех спускался до колен, как у этих вот. Да, сэр, это разновидность козлов.

– Хорошо, так их и назовём. Отныне мы будем называть их козлами, – ответил я, хотя и не думал, что спустя два года узнаю, что это за интересные животные.

Мы взвалили на плечи шкуры и немного жирного мяса наших жертв и начали спускаться с горы тем же путем, каким пришли; однако на сегодня мы с козлами ещё не закончили. Проходя мимо восточного склона большого утёса, мы обнаружили неподалеку от него одинокого козла, спускавшегося по крутому склону горы и направлявшегося к вершине небольшого утёса, выступающего из сланца. Добравшись до его внешнего края, козёл уселся на задние ноги; его ляжки и передняя часть тела поддерживалась перпендикулярно поставленными передними ногами; опустив голову, он смотрел на происходящее внизу, сидя так, как любят сидеть собаки и смотреть по сторонам. В то, что жвачное животное могло принять такую позу, почти невозможно поверить. Свежую нашу добычу, мы удивлялись, почему поверхность их ляжек такая плоская, свалывшаяся и грязная. Теперь мы получили объяснение: сидеть на ляжках у этих козлов было привычкой. В последующие годы я видел, как многие из них отдыхали в такой позе. Все они были самцами, и я сомневаюсь, что у самок есть такая привычка.

Мы с Эбботом несколько часов отдыхали в нашем фургоне, прежде чем к нам присоединились остальные. Они прибыли, нагруженные жирным мясом снежного барана, которого Сандоваль убил за горой с плоской вершиной. Они рассказали, что видели несколько вапители, стадо козлов и трёх гризли, но не пытались их добыть, поскольку до этого мяса было бы трудно добраться. В тот вечер у нас был грандиозный пир из жареного мяса толсторога. После этого в течение пяти дней мы жили неподалеку от нашего лагеря и, убив столько вапители и оленей, сколько нам было нужно, отправились домой. Из-за отсутствия у нас верховых лошадей мы мало что увидели в этом интересном месте и даже не побывали на верхнем озере. Я поклялся, что при первой же возможности вернусь, чтобы исследовать его долины и подняться на горы. Так или иначе, я дал название одной из его выдающихся достопримечательностей: гора Плоская Вершина.

Опубликовано в «Грейт Фоллз трибьюн» 18 ноября 1936 года

Голодная зима (1883-84)

По возвращении домой, обойдя индейское агентство, мы снова остановились лагерем у наших друзей, и ещё более жалостными были истории, которые они рассказывали нам о своих страданиях от недостатка пищи и о том, как их табуны лошадей пали от заразной кожной болезни. Изможденные, слабые и вялые, они сами были доказательством своей крайней нужды. Я сразу же раздал им всё мясо, которое было у нас в фургоне – по кусочку на каждого из находившихся в лагере. Я посоветовал им подняться к озерам, где ещё можно было добыть дичь. К сожалению, они ответили, что у них нет патронов и лошадей, на которых можно было бы туда попасть. К нам подходили плачущие женщины, держали на руках своих худеньких детей и просили, чтобы мы, любя своих детей, как-нибудь помогли их маленьким детям. Я ответил, что сделаю для них все, что в моих силах.

Я долгое время сотрудничал с журналом «Лес и ручей», лучшими из всех журналов о природе, издаваемых в Нью-Йорке, и поэтому много переписывался с его владельцем и редактором Джорджем Бёрдом Гриннеллом. Итак, по приезде домой в форт Конрад, я написал ему о бедственном положении племени пикуни и спросил, что можно сделать, чтобы помочь им. В свое время я получил от него телеграмму, пересланную по почте из форта Бентон, в которой он советовал мне немедленно отправиться в резервацию, тщательно изучить, что там творится, и отправить ему полный отчет об этом. Через двадцать четыре часа после получения сообщения я прискакал в лагерь пикуни, расположенный в паре миль от агентства, на Бобровом ручье, и был радушно принят в вигваме моего шурина, Мальчика-Вождя. В вигваме неподалеку люди оплакивали умершего; в ответ на мой вопрос Мальчик-Вождь сказал:

– Они оплакивают старого Чёрную Антилопу. Он умер из-за того, что бросил вызов богам. Голод терзал его, и он поймал несколько пятнистых рыб (форели) – они, как ты знаешь, собственность и пища ужасных Подводных Людей, еда, запрещённая для нас. Мы все умоляли его не делать этого. Он не внял нашим предостережениям. Приказал своим женщинам приготовить их для него. Они даже не притронулись к пятнистой рыбе. Он сам приготовил её, съел всю, четыре пятнистые рыбины. Это было вчера вечером. Как раз перед твоим приходом он умер.

– Очень жаль. Бедный старик. Навсегда ушел от нас, – сказал я. Бесплезно говорить, что форель полезна для здоровья и питательна и что во многих реках резервации её было достаточно, чтобы все племя не умерло с голоду. Я также не мог посоветовать им забить и есть своих лошадей, которые для них были священными животными, имевшими почти человеческое происхождение, но которых они любили почти так же сильно, как своих детей. И, в отличие от других племен, они верили, что и собаки были священными животными и, следовательно, запретной пищей.

В свою очередь, я посетил большие лагеря Белого Телёнка и Трёх Солнц на реке Двух Магических Хижин, затем лагерь Красной Краски, состоящий примерно из сотни вигвамов, на Берёзовом ручье. Все они одинаково страдали от недостатка пищи, а более слабые, больные туберкулезом, уже умирали. Крупной дичи не осталось ни на равнине, ни в соседних горах, а мелкая дичь, такая как кролики, куропатки, дикобразы и бобры, становились всё более редкими. Было совершенно очевидно, что, если бы им не доставили достаточно еды, все они умерли бы от голода ещё до наступления следующего лета.

Пока я был в лагере Красной Краски, преподобный Прандо прибыл, чтобы поговорить с вождями, и попросил меня быть его переводчиком. Вскоре в большом лагере Красной Краски собралось тридцать из сорока вождей, и один за другим они рассказывали о своих страданиях и просили священника каким-нибудь образом раздобыть для них еду. Он ответил, что полностью осознает их нужды и сделает для них все, что в его силах. А пока, по его словам, они должны

следовать его учению; ведя чистую жизнь, и, когда им придет время умирать, их души, или, как я должен был это перевести, «тени», смогут подняться в небо, присоединиться там к хранителю Мира (Господу) и с тех пор жить счастливо. И затем, в заключение, он внушительно сказал:

– Но имейте в виду: если вы не будете жить добродетельной жизнью, то потом, когда вы умрётё, ваши тени уйдут глубоко под землю, к очень плохому человеку, Создателю Огня, где он заставит вас вечно гореть.

Последовало долгое молчание, нарушенное, наконец, Красной Краской. Он выразительно сказал:

– Чёрная Накидка, белые могут творить много чудесных вещей. Я не сомневаюсь в их способности, когда они умрут, отправиться к своему мировому покровителю, далеко на небо. Но посмотри на нас: есть ли у нас крылья, чтобы наши тени взлетели в синеву? Нет. Нам туда не подняться. Есть ли у нас когти, как у барсука, чтобы мы могли докопаться до Создателя Огня, чтобы он вечно поджаривал нас? Нет, Чёрная Накидка, дело в том, что, когда мы умираем, наши тени уходят пешком или скачут верхом к Песчаным Холмам, к северу отсюда, чтобы остаться там навсегда. Там мы будем охотиться на тени бизонов; жарить мясо теней животных на тенях кострах, которые не дают тепла; жить в тенях вигвамов. Вот, Чёрная Накидка, что ждет всех нас. Я всё сказал.

С этими словами они все встали и один за другим в молчании покинули вигвам. На лице отца Прандо было печальное и озабоченное выражение.

Однако за прошедшие с тех пор более пятидесяти лет священникам и другим миссионерам не удалось каким-либо образом изменить верования племён черноногих, поклоняющихся Солнцу. За последние два месяца⁷ я присутствовал на впечатляющих церемониях общества Сеющих Табак у черноногих Альберты и на обрядах магической хижины Крови в Альберте и пикуни в Монтане. Я, например, рад, что они упорствуют в своей древней вере. Их абсолютная и восторженная вера в это – о, как же сильно она отличается от апатии белых христианских общин!

Покинув Берёзовый ручей, я вернулся в лагерь Маленькой Собаки на Барсучьем ручье и послал Мальчика-Вождя в агентство сказать Резерфорду и Феммистеру, что хочу с ними поговорить. Они пришли задолго до наступления темноты, и я объяснил им, зачем пришел; спросил их, делает ли агент, майор Янг, что-нибудь, чтобы раздобыть еду для своих голодающих подопечных; есть ли у него что-нибудь, что можно им дать.

Резерфорд сказал:

– У старого дьявола полно обмолоченной кукурузы, её привозят вверх по реке из форта Бентон, а оттуда вывозят на телегах, но что он с ней делает? Каждое утро кормит ею своих кур, а индейцы стоят рядом, ужасно голодные, и смотрят на это.

– Он знает, что они голодают, но я не думаю, что он написал в Вашингтон, чтобы раздобыть для них еды. Что тебе нужно сделать, чтобы выйти на него, так это поговорить с его клерками, Эдом Гарретом и Чарли Варнером, – сказал Феммистер.

– Я их не знаю. Возможно, они не дадут мне тех сведений, которые мне нужны, – сказал я.

– Мы всё равно организуем для тебя встречу с ними. Пойдём, – предложил Резерфорд.

Мы отправились в агентство пешком. Резерфорд открыл маленькую калитку в ограде и снова запер её после того, как мы вошли. Бревенчатые здания образовывали три стороны площади. Служащие уже были в постели. Они зажгли лампу. Меня представили им, и когда я рассказал им о своей миссии, они были явно насторожены и напуганы. Но когда я заверил их, что сохранию в тайне источник сведений, которые они могут мне сообщить, они разговорились; свободно, но с горечью они рассказали о том, как спокойно Янг присматривает за своими подопечными; он видный член восточной методистской церкви. Дело в том, что в течение

⁷ Летом 1936 года

нескольких лет в своих ежегодных отчетах министру внутренних дел он заявлял, что цивилизует пикуни, превращая их в самостоятельных фермеров. Ха! Цивилизовать их! Да, они редко приходили в агентство – они бродили по равнинам, неплохо питались бизонами, продавали бизоньи шкуры, чтобы приобрести всё, что им было нужно из товаров белых людей. Затем внезапно бизоны были истреблены, и у Янга не осталось припасов для племени; он сообщал, что они живут самостоятельно, и не осмеливался просить для них помощи; тем самым он выставил себя настоящим лжецом. Да, и такими же плохими, как он, были две его дочери, тоже члены церкви. Они забрали несколько одеял, предназначавшихся для выдачи индейцам, и перекрасили их, чтобы удалить штамп Департамента по делам индейцев Соединенных Штатов, который был на них нанесён.

Следующим вечером я был дома в форте Конрад и писал Гриннеллу полный отчёт о моих расследованиях в резервации, призывая его сделать всё возможное для голодающих пикуни. В те дни почта шла медленно; прошёл целый месяц, прежде чем я получил от него весточку; он написал, что был в Вашингтоне, чтобы встретиться с представителями власти, ознакомить их с моим отчетом и настоятельно попросить их принять срочные меры. Сам президент Артур обещал, что хорошие запасы продовольствия будут отправлены племени так быстро, как это будет возможно. Итак, мы с тревогой ожидали известия об их прибытии. Проходили недели, месяцы; мы узнавали, как медленно продвигаются дела у нашего правительства из-за его бюрократизма. Всё больше и больше семей голодающих собиралось разбить лагерь неподалеку от нас и поохотиться. Оленей и антилоп становилось так мало, что они не могли добывать их в достаточном количестве для удовлетворения своих потребностей. Мы помогали им, как могли, закупать продовольствие, что выливалось в немалые затраты.

У бережливой и запасливой матери Киппа, Земной Женщины, и её компаньонки, Женщины-Вороны, было около сотни бизоньих шкур, которые они так или иначе приобрели за последние годы существования стад. Они попросили Киппа продать их в форте Бентон и продукты на девятьсот долларов, вырученные от этой продажи, щедро раздали своим голодным друзьям-пикуни.

Наступил февраль, и мы узнали, что по всему агентству некоторые пикуни ежедневно умирают от голода. И вот тогда, когда мы уже думали, что все они скоро умрут, мы получили оттуда самые замечательные новости: солдаты из форта Шоу привезли много повозок с мукой, беконом, бобами и другой едой для голодающих. Кроме этого пригнали коров, и их начали забивать. Пришел один из вождей нашего Великого Отца, заставил Молодого Человека (Майора Янга) и его дочерей немедленно уйти и поставил на его место нового агента.

Позже мы подсчитали тех, кто умер от голода той зимой: из тысячи восьмисот членов племени умерло почти пятьсот человек⁸. Так закончилась четвертая большая несправедливость, причинённая пикуни нашим правительством.

Другими были: последовательные акты конфискации их земель между реками Устричных Раковин и Мариас по указам президента США Гранта и Резерфорда Б. Хейса – в обоих случаях это было прямое нарушение должным образом ратифицированного договора, который Соединенные Штаты заключили с племенем в 1855 году; а самая первая из четырех – массовое убийство 173 мужчин, женщин и детей этого племени полковником Э. М. Бейкером и его солдатами на реке Мариас 23 января 1870 года.

Опубликовано в «Грейт Фоллз Трибьюн» 18 ноября 1936 года

⁸ У Шульца не было доступа к документам Бюро по делам индейцев. Несмотря на это, он тщательно изучил тяжелое положение индейцев и обсуждал его на языке черноногих с некоторыми из тех, кто пережил этот голод, в том числе со своими родичами со стороны жены. Несомненно, его рассказ отражает полученные им представления и впечатления, полученные в то время и в том месте, и был передан искренне и добросовестно.

Глава четвёртая

Охота в Скалистых горах с Джорджем Бёрдом Гриннелом (1884)

Если для нас, мужчин, жизнь в форте Конрад в 1884 году была очень скучной, то для наших женщин это было совсем не так. Они были более чем счастливы в тишине и безопасности. Для них больше не будет скитаний по равнинам, кишашим врагами, не будет ночей, полных страха и трепета, когда они прислушивались к пирушкам наших помешанных на выпивке клиентов. В марте моя жена Матси-авотан-Ахки, (Женщина-Красивый Щит) родила нашего сына, нашего единственного ребёнка. Я был очень расстроен, когда, вернувшись из поездки в форт Бентон, узнал, что появился отец Прандо, и назвал его Томасом. Моя жена сказала:

– Не имеет значения, что делает Чёрная Накидка. Твой дядя, Красный Орёл, священный знахарь, назвал нашего малыша в честь могущественного видения, которое однажды явило ему Солнце: он Одинокий Волк.

Да, это было хорошее мужское имя. Но я, как и намеревался с самого начала, назвал его Харт Мерриам в честь К. Харта Мерриама, известного натуралиста и антрополога, друга моего детства.

Взяв пример со своей матери, искусной вышивальщицы бисером и цветными иглами дикобраза, наш мальчик в раннем возрасте начал отбирать у меня карандаши и бумагу и рисовать жизнь такой, какой он её видел; он старался делать глиняные фигурки животных лучше, чем индейские дети, с которыми он играл. В своё время он стал студентом художественной школы Лос-Анджелеса, затем Чикагского художественного института, а позже стал единственным студентом, которого когда-либо видел Томас Моран, прославившийся в Гранд-Каньоне, и тот помогал ему передать всё волшебство его формы и цвета, и я помогал ему в этом. В мире искусства он известен как Одинокий Волк более, чем под своим английским именем, благодаря своим вдохновенным картинам и бронзовым изделиям, изображающим жизнь старого Запада.

Оставив меня управлять фортом Конрад весной 1884 года, Кипп и Хайрам Апхэм выкупили магазин у торговца в индейском агентстве и построили магазин и салун на Берёзовом ручье, недалеко от резервации, и на дороге, ведущей от агентства Шуто к Солнечной реке. На холмах Сладкой Травы были обнаружены золотиносные россыпи. Я вел хорошую торговлю с тамошними старателями, а также с теми, кто проезжал по дороге между фортами Бентон и МакЛауд, но моё сердце к этому не лежало. Те несколько дней, что я провел на Внутренних озерах (Святой Марии) прошлой осенью, настроили меня против сидячего образа жизни. Я хотел снова оказаться там, взбираться на горы и исследовать долины, ещё не пройденные белыми, есть форель, жирное мясо толсторогов, оленей и вапити. Когда Кипп время от времени приходил ко мне, чтобы узнать, как у меня дела, я говорил ему о своих желаниях, но он всегда отвечал:

– Нет, сэр, вы приехали сюда не для того, чтобы тратить время впустую. У тебя теперь есть женщина и мальчик, которых нужно содержать, и ты мне здесь нужен. Оставайся здесь.

Так прошло лето. Наступила зима, и, пожалуй, единственным проезжающим по дороге был почтовый дилижанс из форта Бентон в МакЛеод, который ходил дважды в месяц. Я снова написал несколько рассказов для журнала «Лес и ручей», много переписывался с его владельцем и редактором Джорджем Бёрдом Гриннелом, в результате чего весной 1885 года он написал, что приедет в сентябре и отправится со мной в путешествие по Внутренним озерам, в страну озер Святой Марии. Кипп был рад, что я работаю с таким важным человеком, и в своё время, уговорив нашего друга Джеймса Доусона занять мое место в форте Конрад, я переехал в агентство, чтобы дожидаться приезда незнакомца. Он прибыл почтовым дилижансом –

стройный, спокойный, приятной наружности мужчина средних лет, высокого роста; в походной одежде, которая свидетельствовала о том, что он часто пользовался ею; его багаж состоял из спального мешка, покрытого брезентом, военного рюкзака, винтовки Шарпс 45-го калибра и удочки для ловли на муху. Мы подумали, что он совсем не прост, и поэтому не удивились, когда узнали, что у него прекрасное ранчо в Вайоминге и что он был натуралистом в экспедиции генерала Кастера в Чёрные Холмы в 1873 году.

Вечером в день приезда Гринелла я попросил главного вождя Белого Телёнка созвать на собрание выдающихся людей племени пикуни: Маленькую Собаку, Маленькое Перо, Сайи, Бегущего Журавля и других. Они собрались в домике Маленького Пера, и, когда я вошёл, то сказал им:

– Я привел к вам вашего настоящего друга. Его дом находится во многих днях пути на восток, на краю Бескрайней Воды. Когда вы начал голодать, умирать, в ту ужасную зиму, я написал ему об этом. Что он сделал, когда прочитал моё письмо? Он бросил свои дела, сел в огненную повозку и отправился на юг, в город с множеством домов, где живёт наш Великий Отец. Он пошел прямо к нашему Великому Отцу и рассказал ему о вашей нужде; сказал ему, что вы, пикуни, все умрёте, если вам не отправят еду, много еды, и как можно скорее. И Великий Отец сказал ему:

– Как это может быть, что пикуни, мои дети, голодают, умирают, а я не знаю об этом?

Вот что ответил мой друг:

– Великий Отец, дело в том, что твой маленький вождь, который у тебя есть, по имени Молодой Человек, не хотел, чтобы ты знал об этом, потому что он много раз писал тебе много лжи; писал тебе, что пикуни следуют путем белого человека, что они разводят коров и свиней, выращивают картофель и другие растения, которые употребляют в пищу.

Наш Великий Отец сказал:

– Очень плохо. Очень плохо. Ну что же, больше они не будут голодать пока я смогу давать им еду.

И он сразу же послал за своим вождём над солдатами, послал за другими людьми, сказал им, что делать. Так и поучилось, что солдаты с реки Острых Скал (Солнечная река) принесла вам еду; Пятнистая Шапка (Чарльз Конрад) прислал вам много скота. Итак, друзья мои, вы знаете, что этот человек, сидящий рядом со мной, который только что прибыл – ваш настоящий друг и помощник.

– Да! Да! Он наш друг. Наш самый настоящий друг. Он спас нас, он вождь, – воскликнули все, когда я закончил, и один за другим они вышли вперед, пожали руку Гринеллу и искренне поприветствовали его. Затем он коротко сказал, что рад быть здесь, с ними, что он надеется приезжать к ним снова и снова будущим летом, что у него есть другие друзья-индейцы, особенно пауни (народ Волков), с которыми он часто разбивал лагерь и охотился на бизонов.

– Ха! Народ Волков! Вечные наши враги. Ты должен рассказать нам о них, – сказал Маленькое Перо.

Хвостовые Перья, Переходящие Холм, сказал:

– Об этом позже. Сейчас мы должны дать имя нашему новому другу, сделать его одним из нас, настоящим воином пикуни, каким, я знаю, он и является в глубине души.

– Да, и это должно быть могущественное имя, которое мы дадим ему, имя, которое поможет ему пережить все опасности и дожить до старости, – вмешался Сайи.

Все сразу же всерьез задумались над этим. Предлагалось одно название за другим, но по тем или иным причинам оно отвергалось, пока, наконец, Хвостовые Перья, Переходящие Холм, не назвал то, которое все одобрили. На что он сказал Гринеллу:

– Настоящий друг пришел к нам издалека; несколько зим назад один из нас умер в глубокой старости. Он был очень мудрый и с добрым сердцем, он всегда помогал больным, беспомощным вдовам и детям, оставшимся без отца. Он был храбрым, великим воином, победи-

телем во многих битвах с нашими врагами. У него было очень могущественное имя, данное в честь священного животного, которое любит Солнце. Несомненно, это могущественное, священное имя. Добрый друг, пришедший к нам издалека, мы дадим тебе это имя. Ты – Шапка Рыболова⁹ (*Пинатойи Истимокан*).

Остальные воскликнули:

– Мы рады приветствовать тебя, Шапка Рыболова. Мы рады, что ты сегодня с нами. Их глаза сияли, голоса были глубокими и дрожащими, в их искренности не могло быть сомнений. Это было действительно трогательно. Гриннелл доказал это, когда, запинаясь, сказал им, что ценит их добрую волю и что он всегда будет стремиться быть достойным своего нового имени. Затем, по их просьбе, он подробно рассказал им о пауни – их стране, домах и занятиях, их верованиях и талисманах. Было уже поздно, когда мы отправились спать.

На следующее утро с моей упряжкой и фургоном, а также в сопровождении Жёлтой Рыбы (Чарльза Роуза), сына бывшего сотрудника Американской Мехаовой компании и женщины из племени пикуни, мы отправились к Внутренним озерам и в тот же вечер разбили лагерь у нижней части нижнего из них. На следующее утро мы отправились по тропе, которой пользовались индейцы и животные, ведущей вверх по восточному берегу озера, и, вырубив много деревьев в осиновых рощах, через которые она проходила, после полудня вывели нашу упряжку и фургон на равнину между двумя озерами; затем, перейдя реку вброд, разбили лагерь на опушке рощи в нескольких сотнях ярдов ниже нижнего берега верхнего озера. Там был прекрасный вид на него и на высокие горы, возвышающиеся на его берегах, и Гриннелл заявил, что это было более впечатляюще зрелище, чем любое другое, которое можно было бы увидеть во всех Альпах. А что касается Йеллоустонского парка, то по сравнению с этой частью Скалистых гор это была просто равнина!

⁹ Здесь речь идёт не о любителе рыбачить, а о пекане, кунице-рыболове (перев)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.